

Вера Катша

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Вера Викторовна Камша
Синий взгляд смерти.
Рассвет. Часть пятая
Серия «Отблески Этерны
(Сериал Этерна)», книга 15

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41560679

Синий взгляд смерти. Рассвет. Часть пятая: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-099928-6

Аннотация

Когда на голове плешь – надевают шляпу. Когда страна дыбом – изображают, что всё прекрасно. Тем более что вот она, передышка в войнах. И в спешно подновлённом дворце ядовитым цветком распускается «добрый старый двор». И растящие этот цветок точно знают, как должен выглядеть мир – в обоих смыслах этого слова. Но почему так душно тем, кто вдосталь надышался пороховой гарью? И зачем в Старую Придду сползаются отсидевшиеся в тяжёлые времена в тылу, а ведь сползаются! Лезут вверх, шагают по подвернувшимся ступенькам, не особо приглядываясь, а не послужила ли таковой чья-нибудь голова? Можно, конечно, подловить наиболее прыткого мерзавца и вынудить его на дуэль, но что это изменит? Ничего! И будет

звучать древний танец Кальтарин, и будут, как в механической шкатулке, совершать подходящие па раззолоченные фигурки, и будет, цепenea от скуки, бубнить затверженные слова Его малолетнее Величество... Правда, сегодня у короля радость, ему подарили чудо... Правда, иная фигурка может и взбрыкнуть... Правда, в мелодию Кальтарина может ворваться совсем другая музыка... Но Двор расцветает и крепнет, а Рокэ Алва, Регент и Первый маршал, молчит и вдруг срывается неизвестно куда, оставив распоряжение, подозрительно похожее на завещание. А у Кольца Эрнани планы Лионеля Савиньяка почти срывает непонятная буря. Непонятная ли? И сможет ли маршал Ли совладать с этим... Зверем?!

Содержание

XVI. «Влюбленные»[1]	9
Глава 1	10
1	10
2	15
3	21
Глава 2	29
1	29
2	33
3	36
Глава 3	49
1	49
2	56
3	60
4	64
Глава 4	69
1	69
2	73
3	78
Глава 5	85
1	85
2	91
3	94
4	98

Глава 6	101
1	101
2	106
3	109
4	114
5	116
Глава 7	120
1	120
2	124
3	127
Глава 8	131
1	131
2	135
3	139
Глава 9	145
1	145
2	147
3	155
4	157
Глава 10	164
1	164
2	167
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Вера Викторовна Камша

Синий взгляд Смерти.

Рассвет. Часть пятая

*На Изломе зимы повстречаем рассвет.
Скоро скалы оденутся льдом.
Этим утром давай отрешимся от бед
И куда-то зачем-то придем.
Будет год, будет день; будет да, будет нет;
Будет счастье сидеть за столом.
Будет что впереди? То ли тьма, то ли свет...
Но не бойся: все это – Излом.*

*На Изломе весны все рождается вновь.
Веет ветер. И кажется сном,
Что кончается жизнь, проливается кровь
И что полдень совсем ни при чем.
Чтить ли и ожидать? И при чем тут любовь?
Мы не гордые, мы подождем.
Сомневайся, надейся и не прекословь!
Что бояться? Ведь это – Излом.*

*Ну а летний Излом согревает волну.
Слышишь – песни и плач ни о чем?
Не уйти в облака, не нырнуть в глубину —
Все глубины кончаются дном.
Недалёко закат. Оборвали струну...
Ну и орстон! Аминь. Мэратон!
Пусть никто никогда не признает вину,
Не боимся. Все это – Излом.*

*Вот осенний Излом. Вот уж полночь близка.
Молний блеск в темноте, шквал и гром.
Ненадолго! На месяцы и на века —
Но не дольше. Закройся дождем.
У кого-то, возможно, судьба высока,
Ну а мы проживаем и врем...
Ветер бьется о скалы. Река глубока.
Отсвет молний. И это — Излом.*

*Простите. Север, юг, восток и запад
Перемешались, аж не расплести.
Какие у Этерны там пути —
Не знаю. «Ночь идет на мягких лапах».*

Юрий Гиренко

*Те, кто в самом деле не думает, ибо не способен,
вечно намекают на глубины своих размышлений.
Рокэ, герцог Алва, собрано Кэналлоа, регент Талига*

*Страх ошибки, чужой боли, греха или того, что
названо таковым, ведет в Закат столь же верно,
сколь и равнодушие.
Странствующий епископ ордена Славы Луциан*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Камша В.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

XVI. «Влюбленные»¹

Было бы невозможно предотвратить крах королевской власти, если бы мы шли на поводу у тех, чье невежество по части практического руководства государством сравнимо с их высоким мнением о себе как о знатоках теории государственного управления, тогда как они не способны ни на глубокие мысли по поводу политики государств, ни на суждения о происходящих в обществе процессах, каковые недоступны их пониманию.

Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье

¹ Высший аркан Таро «Влюбленные»/«Два пути» (L'Amoureux). Карта указывает на грядущий выбор из нескольких взаимоисключающих вариантов (чаще всего между чувствами и разумом) и предупреждает о возможности серьезной ошибки, одновременно являясь символом вдохновения и догадок. В сильной позиции означает эмоциональную свободу, пренебрежение последствиями поступков, продиктованных эмоциями. Еще одним значением карты может быть любовь и/или дружба вплоть до появления будущей «половинки». ПК: Внутреннее раздвоение, конфликт с собой, неправильный выбор и/или его последствия. Может предупреждать об ошибках, разлуке и расстройстве планов (в первую очередь матримониальных и любовных). Также обозначает отказ от выбора, что ведет к утрате инициативы и возможности овладеть ситуацией.

Глава 1

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 4-5-й день Зимних Ветров

1

Большой Руди решил наконец выспаться, – Руди Мелкий потянулся и глянул на высящиеся в углу часы. – Часа два, как ушел, так что сдаю тебе ночь и зиму. Зима холодная, вьюшки закрыты, на небе – месяц. Властвуй, а мы спатиньки.

– Счастливо выспаться, – откликнулся Давенпорт, подходя к окну. Худеющая луна зацепилась за левый флюгер, рядом мерцало несколько крупных звезд. Всадница или Паук? Моряк бы сразу сказал, это на суше звезды нужны разве что астрологам и для красоты.

Ночь выдалась дивная, и Чарльз любовался синими тенями, пока по дворам не прошел полуночный патруль. Теперь до утра в Старой Придде одна власть – капитан Давенпорт. Чарльз еще раз глянул на вверенную его заботам луну, открыл и закрыл дверь в темный кабинет, после чего перебрался в примыкавшую к приемной комнатку без окон, куда как-то умудрились втиснуть стол, пару стульев и узкую кушетку.

Ноймаринен не считал, что дежурные адъютанты обяза-

ны таращиться во тьму – не коты. Их дело оказаться на месте, когда случится нечто важное, только важного больше не ожидалось: всё или почти всё уже произошло, оставалось встряхнуться и начать жить дальше. С новым Кругом, новым королем и временной столицей, хотя сам Чарльз сто раз бы подумал, прежде чем возвращаться в Олларию и тем более тащить туда детей. Хватит того, что Карла с сестрой привезли в Старую Придду. Показать верным, чтоб их, подданным! Эту верность капитан Давенпорт видел во время ареста Фердинанда, до смерти хватит. Адьютанты герцога вцепились в предложение нового товарища до конца праздников взять ночные дежурства на себя. Обормоты не представляли, насколько «знаменитому Давенпорту» тошно от своей славы и оживающего двора. За возвращение в армию капитан отдал бы все, кроме Мелхен. За возможность съездить в Акону – полжизни и еще четверть – за Большого Руди, снявшего регентскую цепь, но продолжавшего волочь на себе то, до чего у Алвы не доходили, да и не могли дотти руки. По сути Ноймарский Волк оставался регентом, а Кэналлийский Ворон – Первым маршалом, и это было правильно. Неправильной была тревога за болтающегося по Западной Придде Савиньяка.

Накрытый льняным полотенцем свежий пирог напомнил о себе ароматом печеных яблок и еще чего-то пряно-горького, Мелхен бы сказала точно. Девушка не любит роз и комплиментов, но редкие на севере специи примет, благо в Ста-

рую Придду торговцы сейчас просто ринулись. Самое время добыть то, чего нет в Аконе, а после праздников – попросить отпуск для устройства семейных дел. В Давенпорт съездить придется на самом деле – собрать родню и соседей, выслушать кучу обязательных глупостей... Впрочем, неизбежные на родительских поминках разговоры о свадьбах не столь уж и нелепы. Чарльз не собирался тянуть, дело было за невестой, а ее стерегли то Юлиана со съеденными сто лет назад пирожками, то подружка со своим котом.

От Селины Давенпорта трясло, однако появления Мелхен в Старой Придде, где вокруг красавицы неминуемо соберется стая поклонников, капитан не хотел. Уж лучше девица Арамона! Эта разгонит всех, только вечно сидеть в Аконе девушки не будут, вдова родит и возьмется за приемную дочь. Присмотрит бергера поздоровей, и начнется... Мелхен спорить с матушкой не станет, Селина тут не помощник, а вот герцогиня Ноймаринен повлиять на баронессу Вейзель в состоянии.

Первым просить супругу Рудольфа о помощи Чарльз бы не стал, но та заговорила о Мелхен сама. Удивляться не приходилось: он своих чувств не скрывал, а тот же Бертольд по части болтовни обставит дюжину вдов. Кто-то услышал, кто-то пересказал... Покойного артиллериста армия ценила, как же не разболтать, что «тот самый Давенпорт» по уши влюбился в дочку Вейзелей? Да, влюбился! В Мелхен не влюбиться невозможно.

Почему и на кого он разозлился, Чарльз не понял, но отчего-то выскочил в приемную и, желая себя хоть чем-нибудь занять, принялся зажигать свечи. Оказалось, кстати. Не прошло и пяти минут, как в дверь забарабанили, и красномордый сержант доложил о прибытии Первого маршала, то есть регента. Чарльз глянул на часы – четверть второго. Ну очень спокойная ночь!

– Только, – хриплым басом проревел вестник, – сказано, чтоб никого, кроме дежурного, не будить. Ибо... без... бес-такно!

Давенпорт кивнул, Ворон был верен себе: объявился, выиграл сражение и куда-то умчался, пообещав успеть к празднику. Само собой, его ждали послезавтра к вечеру, а он нагрянул двумя днями раньше. Тактично.

– Идем.

Дорога оказалась недолгой – до парадной лестницы.

– Вот они, – объяснил сержант и отступил, давая дорогу начальству, начальство же чудом не ругнулось и потопало вниз, где в свете факелов о чем-то беседовали двое в бергерских шубах. Понять, который из них Ворон, в полутьме не выходило.

На последней ступеньке Чарльз слегка задержался, мысленно себя обругал и, вздернув, как на параде, подбородок, направился к гостям. Слышимость в здешних залах и переходах, особенно по ночам, была невероятной, возводившему дворец архитектору надо было строить церкви. С органами.

Грохало, будто в вестибюль ввалилась дюжина статуй, а не дежурный офицер с сержантом, но Алва со спутником даже головы не повернули. В *ту* ночь он тоже не оборачивался.

Давенпорт шагал по внезапно ставшим скользкими плитам и пытался унять разогнавшееся сердце, а из памяти, будто из окон, тянуло дымом и раздавался колокольный звон. Октавианские праздники, будь они четырежды прокляты вместе с Килеаном и Мореном! Ну и что, что оба сдохли? Последнего суда всем ждать, вот и пусть Леворукий их жарит!

– Ргграв!

Резкий звук заставил Чарльза вздрогнуть прежде, чем он сообразил, что рядом залаяла собака. Затем капитан разглядел и самого пса: крупный светлый силуэт у ног ближайшего из гостей. Алвы!

– Судьба все-таки есть, – усмехнулся Ворон, – но воображения у нее никакого.

– Господин регент, – все, что пришло в голову Чарльзу, это щелкнуть каблуками. – Дежурный адъютант Проэмперадора капитан Давенпорт. Герцог Ноймаринен отдыхает.

– В отдыхе, как мне говорили, нуждаются все, – одобрил регент, – и лишь Создатель бодрствует денно и нощно, хотя в последнее верится с трудом. Марсель, у тебя нет желания слегка смягчить неловкость встречи? У Готти как-то не вышло.

– Это будет непросто, – бергер в светлой шубе подхватил

Чарльза под руку и оказался виконтом Валме. — Готти не виноват. Он не знает всех обстоятельств, как и я, к слову сказать.

— Капитан дежурил в Октавианскую ночь, — объяснил Алва, придерживая своего пса. — Идиллическое было время.

— Где идиллическое? — не понял Валме. — В Олларии?

— Везде, — Ворон чему-то усмехнулся. — Симпатичные войны, уютные заговоры, приятные покушения... Адьютантская щель возле приемной цела?

— Да, монсеньор.

— Я переночую там, а виконта, раз уж вы с ним ладите, заберите и накормите. Можете выпить, с дежурства я вас снимаю.

2

В одной лесной деревне жил Пес. Хозяином его был Пастух, и в юности Псу не раз приходилось вступать в бой с волками, однако со временем хищники узнали остроту собачьих клыков и стали охотиться в других местах. Овцы мирно паслись на берегу реки, а Пес приглядывал за бесполовыми ягнятами, которые могли свалиться в воду, да слушал жаворонков. Его счастье омрачали лишь блохи, приставшие к бедняге на последней ярмарке. Пес не понимал, почему у него стала чесаться шея, это было очень неприятно, но приходилось терпеть. Приходилось терпеть и бло-

хам, которых решительно не устраивало их нынешнее положение: Пес им не нравился, к тому же у него была невкусная кровь.

— Что может быть горше, чем оказаться привязанным к никчемной твари? — сетовали блохи. — Разве это жизнь? Это прозябание.

— Мне кажется, я скоро провоняю овцами, — вздыхала Изысканная блоха.

— А меня покинет вдохновение, — вторила ей Поэтичная.

— Но здесь не так уж и плохо, — робко возражала Хромая.

— Для уродов, — огрызалась Грубая.

— Мне страшно за наших детей, — беспокоилась Чадолюбивая. — Бедняжки всю жизнь проведут в этой мерзости.

— Хуже того, — пророчила Мрачная, — та же участь ждет и следующие поколения.

— И в этом виновата моя мамочка, — жаловалась Самая Красивая. — Зачем, ну зачем она бежала в эту мерзкую глушь? Ее это устраивает, но я рождена для другого!

— Все рождены! — обижалась Справедливая.

— Нужно бежать, — предлагала Решительная.

— Нужно!

— Хотя бы ради наших детей...

— И наших талантов...

— И любви, которую здесь не встретить!

— Но как?! Скажите кто-нибудь, как нам выбраться из этого ужаса?!

– Рано или поздно судьба дарует нам шанс, я уверена!
Главное – дожить и не потерять себя!

И блохи дожили. Погложим осенним днем из лесу вышел Волк – сильный и молодой. Ему хотелось есть, а пасущиеся на опушке овцы казались легкой добычей. Про Пса Волк слышал, но юности свойственна дерзость, к тому же Волк был в ссоре с родней и не желал оставаться с ними в одном лесу. Тем не менее, прежде чем выбрать подходящего ягненка, Волк сходил и посмотрел на Пса, который как раз чесался, выдирая клочья шерсти и подскуливая. Зрелище было столь жалким, что Волк, большие не скрываясь, помчался к добыче. Пес услышал шум и, позабыв о своих невзгодах, бросился в бой. Враги сцепились в смертельной схватке.

– Прыгаем! – крикнула соплеменницам Решительная блоха. – Другого шанса может не быть!

– А трусы будут гнить в своей овчарне! – хохотнула Грубая.

– Если только наш волк не загрызет вашу тварь, – добавила Мрачная.

– И вы сдохнете с голоду, – подхватила Самая Красивая. – Прощайте, родители, вы меня никогда не понимали.

– Вперед! – велела Решительная. – За мной!

Прыжок Решительной был удачен: она попала туда, куда хотела, и скрылась в густой серой шерсти, подав пример другим. Блохи одна за другой перебирались на волчью шею, но не все. Кто-то опасался промахнуться и сгинуть от го-

лода в жутких травах, кто-то боялся тех, кто уже живет в волчьем меху, кто-то просто метался, упуская момент за моментом, а схватка становилась все ожесточенней. Пес и Волк то налетали друг на друга, то отскакивали, то вновь бросались в бой. Кровавая пляска делала переправу смертельно опасной, а потом Волк не рассчитал. Совсем немного, но Пес был опытен и в полной мере воспользовался ошибкой противника. Белые клыки сомкнулись на волчьем горле, хлынула кровь, и все было кончено.

Прибежавший Пастух достал нож, снял с Волка его прекрасную шкуру и сунул трофей в реку, не зная, что губит десятки надежд.

— Печально, — сказала наблюдавшая за трагедией с песней Изысканная блоха. — И горько.

— Но мы живы, — напомнила Хромая.

— Главное, — поддержала Чадолюбивая, — будут живы наши дети.

— А творить можно и в хлеву, — поддержала ее Поэтичная. — Ой, кто это?!

— Я вернулась, — прошептала израненная Решительная. — Я вернулась домой... Все мои соратницы погибли, а я...

— Прочь! — заорала Чадолюбивая. — Явилась объедать наших детей?

— Изменница, — воскликнула Изысканная, — коварная и неблагодарная!

— Неудачница, — припечатала Хромая.

– Ну как, выбралась из глуши?

– Волчьей крови захотела? Мир повидать захотела?!

– Ты предала не только нас. Ты предала нашего дорогого Пса!

– Ступай жрать траву... Тля!

– Других погубила и за нами вернулась?

– Прочь!!!

Разъяренные блохи окружили Решительную, намереваясь скинуть ее с песьей шеи, однако расправу невольно прервал Пастух, вздумавший потрепать Пса по загривку.

– Бедняга, – сказал он, – весь в крови. Идем, я тебя в речке отмою!

Подсохшее перо почти не оставляло следа, Арлетта сунула его в чернильницу, перечитала написанное и поняла, что вышло злей, чем задумывалось. Такое с ней уже бывало. В Олларии.

Левий, прочитав сказочку о ненавидящем Слизне, спросил, почему она написала это именно сейчас. Вразумительно объяснить, что на нее накатило, графиня не смогла, потому вопрос и запомнила. Теперь женщина задала его себе сама и опять не нашла ответа. Бесноватых в Придде вывели еще осенью, разве что зелень притащили гости из других провинций?

Рудольф подобного не исключал, но валить собственную злобность на дюжину пока еще тихих подонков Арлетта не собиралась. Причина крылась в другом – графиню, как и

прежде, раздражал двор, к тому же оставшаяся без церемониймейстера Георгия так и норовила повторить материнские выдумки. Ничего опасного в этом не было: внешних врагов у Талига почти не осталось, а те немногие, кто еще помнил алисианские приемы, дриксенскую лебедицу не жаловали, пусть и по разным причинам. Графиня задумчиво тронула чернильницу и резко пододвинула рукопись к себе – так и есть, блохи, пусть и не все, говорят, как знакомые... Ли узнает сразу.

Стук входной двери и быстрые, явно мужские шаги показались ответом, Арлетта едва не вскочила, но сдержалась: в Старой Придде лучше сдерживаться, но это свой, то есть тот, кого знает камеристка. Графиня неторопливо обернулась и увидела младшего. С капитанской перевязью.

– Поздравляю, – Лионеля обнимать можно, Арно до нежностей пока не дорос. – Что ты совершил?

– Потом объясню. Мама, я не один.

– Ты все же решил поручить выходца мне?

– Выходца? – непонимание на родной до дрожи физиономии сменилось, нет, не досадой, смешком! – А, вот ты о чем... Ерунда какая! Мама, Рокэ велел гнать всех к тебе.

– Дитя мое, ты меня пугаешь, Маркус прислал только три сервиза.

– Мама... Нет, ну ты...

Теперь они смеялись вдвоем. Молчать со старшим, хохотать с младшим. Остается Эмиль, но с ним тоже что-нибудь

да сыщется!

– Со мной... – Арно наскоро утер слезы, – со мной Валентин... Назови его как-нибудь Заразой, пусть обалдеет, ему полезно.

– Я обязательно попробую. Так вы вдвоем?

– Нет, еще Герард с Ариго и Эпинэ; ты его вроде любишь.

– Зато вас с Рокэ сейчас разлюблю! Что встреча после бури рождает счастье, ты, надеюсь, помнишь?

– Веннена, пожалуй, забудешь! Особенно в обществе Спрута.

– Тем хуже. Догадайся вы явиться поодиночке, было бы у меня три отличных счастья, а вы какой-то ком скатали. Счастливый, не спорю, но один.

– Да? – темные брови сына на мгновение сошлись, – а если, как в Торке, три кома поставить друг на друга? Оно ведь до весны простоит.

Нужно было идти к милым, дорогим, желанным гостям, всплескивать руками, ахать, кормить, а они глядели друг на друга и ржали. Мать с взрослым сыном, вдова маршала, она же сестра экстерриора, и свеженький капитан. Чудовища... Талигойские.

3

– С прымпердорами можно отлично ладить, – Валме, которому Чарльз был ужасно рад, бросил под стол кусок оле-

нины. – Не веришь, Котика спроси, он с первого нюха понимает, когда кто-то не хуже меня. Нет, будь он дамой, я про Котика, мне бы стало обидно, пусть и меньше, чем обойди меня банальный маршал, а так все устроится. Ты просто не привык.

– К Ворону?! – возмутился Чарльз. Стакан тоже возмутился и опрокинулся, но в нем уже ничего не было.

– Ну да, – кивнул виконт. – С ним главное, чтобы без перерывов и поблажек. Сперва будет, выражаясь по-адуански, хреноватенько. Злишься, вскакиваешь ни свет ни заря, куда-то несешься. От тебя не отмахиваются только потому, что ты не пристаешь, а не пристаешь ты потому, что у тебя ноет все, кроме носа. И так день за днем, а потом раз – ничего не ноет, и тебя уважают замечательные люди.

– И кто же? – Если леворукие кому-то нравятся, пожалуйста, а у него и так есть о чем говорить.

– Те же бакраны, – пожал плечами Марсель. – Твое здоровье!

– Постой, – Чарльз ухватил кувшин и наполнил строптивый стакан. – Твое тоже!

– Я достоин отдельного тоста.

– Уговорил. И хватит о проэмперадорах!

– Прымпердорах. Ты не вылечишься, пока не научишься их правильно называть!

– Да не хочу я их никак называть, я и слышать-то про них не хочу.

– Ты не слушаешь, ты о них говоришь, причем о Савиньянке – заметно больше.

– Он меня бесит, вот бесит, и все тут! Как бы объяснить... В бою я его закрою, и при этом так бы и убил! Большой Руди – человек, Ариго – человек, а этот... Леворукий. Он же не видит никого, то есть видит, но как барышник лошадь.

– И ты позволяешь?

– А что я могу?

– В самом деле, – зевнул Марсель. – Мой тебе совет: если не можешь, то и не хоти. Второй способ – выпить на брудершafft, вот мы с Рокэ выпили... Только у тебя не выйдет.

– Мне и не надо!

– Савиньяку тоже. Если я скажу, что тебе на самом деле надо, я скажу пошлость, а пока жив папенька, это нежелательно. Да... Ты же теперь граф, и мы за это не пили.

– Это не повод!

– Повод. Теперь о Давенпортах будут судить по тебе, так что кончай с занудством.

– Мне жаль отца, – невпопад пробормотал Чарльз, отпив показавшегося безвкусным вина. – Мы так и не встретились... Были оба на Мельниковом, знали друг про друга, но ты же понимаешь...

– Что именно?

– Встречаться перед боем – плохая примета.

– Была, – виконт опустил руку под стол и почему-то поморщился. – Вы с отцом поддались суеверию и тем самым

доказали его ложность. О, как брякнул, а ведь казалось таким посредственным...

– Что казалось?

– Вино. Теперь перед боем можно встречаться с кем угодно, хуже не будет. Как и лучше. Судьба вообще редкостная дрянь, а уж шарики у нее... Твое графство!

– Спасибо! Ты ведь из Кагеты сейчас?

– И из нее тоже.

– Мне нужны топазы. Золотистые.

– Начни с ювелиров, они, конечно, своего не упустят, но посылать в Кагету за топазами всяко дороже. Разве что съездить самому.

– Что мне там делать?

– Познавать мир. – Виконт вытащил плоскую флягу. – При разбитом сердце очень полезно.

– Кто тебе растрепал?

– Бонифаций.

– Кто?!

– Его высокопреосвященство, но злиться на него даже у тебя не выйдет.

– С тобой говорить, как... – Чарльз хлопнул по столу ладонью. – Мне на нового кардинала начхать, я его сто лет не видел и не собираюсь. Ему кто разболтал? Кто?!

– Дъегаррон, видимо. Или нет... Не все ли равно? – Валме принялся разливать что-то пахнущее полынью. – Это было печально... И здесь оно уместно, я про «это было», но тебе

этого не понять! Главное, что осень в Кагете фиолетовая с золотом.

Это было красиво и всегда таким будет,
Так забудь про извивы всяких пакостных судеб...

Она выбрала маршала, а меня выбрала... выбрало много чего. За фиолетовое с золотом! И за дам, которые светят нам издали! Чем дальше, тем ярче.

— Мелхен я не отдам, — под руку что-то попало, и Чарльз его отшвырнул. — Уж не знаю, кто и зачем лезет в мои дела, но хорошо, что ты про нас знаешь... У Мелхен золотые глаза, я должен подарить ей топазы. Лучшие, на это моего наследства хватит!

— Баата не только топазы, он тебе свой лилион подарит. Особенно если Рокэ поспособствует.

— Марсель, мне не нужны подачки! Тем паче из-за Алвы!

— Казар расстроится, он такой ранимый...

— К кошкам! Ты пойми, я ее сперва не разглядел; знал, что с нами генеральша Вейзель с дочерью едет, ну и ладно, не жалко! А потом во дворе, где эти... Альт-Вельдеры свою воду подают, мы почти столкнулись. Мелхен отпрянула к своей мамаше, та понесла какую-то дичь про марагов, а для меня мир перевернулся.

— Не для тебя одного. Ариго на том же дворе влюбился и уже женился. Надо, кстати, за него выпить!

Это было правильно, и Чарльз от души хлебнул полынной касеры. Счастье Ариго обнадеживало, ведь оно тоже началось в Альт-Вельдере, только генерал утонул в серебре, а капитан – в золоте.

– Ты должен ее увидеть, – потребовал Давенпорт. – Мелхен просто чудо, а как она умеет слушать... не просто слушать, запоминать! Даже про то, как Савиньяк с Хайнрихом сговаривались, хотя тут и подружка могла добавить, дочка нашего Свина. Вот уж кого придушить тянет... и ведь когда молчит, красotka, но как рот откроет! Уж лучше папаша!

– Молодой Фельсенбург с тобой не согласится. И я не соглашусь. – Валме опять глянул под стол и улыбнулся. – Спит... Девушка Арамона, если пожелает, станет дриксенской герцогиней.

– Да хоть гайифской, лишь бы поскорей! Это же змеюка в голубиных перьях, и еще кот...

– Да, собака лучше, – твердо сказал Марсель. – Не выпить ли нам за Готти и в его лице за тех, кто никогда не цапнет зря?

– Я готов, – согласился Чарльз, – а потом ты пожелаешь мне счастья!

– Теоретически, – Валме поставил приподнятый было стакан. – Пить за твое счастье я буду готов, когда увижу Мелхен.

– Я знаю, что говорю.

– Я тоже. Допустим, Мелхен – это твое счастье, но вот подходишь ли ей ты? Сам посуди, рядом с девушкой гене-

ральша Вейзель, подруга и кот. Мелхен их любит, а ты терпеть не можешь. Их трое, ты – один и говоришь с любимой не о розах, а о Савиньяке с Хайнрихом. А она вообще не говорит, а слушает. Это очень похоже на вежливость...

– Я тоже этого боялся, но ей не скучно, уж это-то я понять способен!

– Чтобы и я понял, мне нужно припасть к источнику.

– Чего?

– Расскажи мне то же, что и девице, и я тебе скажу, есть ли у тебя шанс или лучше начинать глядеть по сторонам. В Старой Придде должна быть уйма невест, в том числе и хороших.

– Мне нужна Мелхен!

– Это я уже понял. Рассказывай про Хайнриха.

– Вообще-то я рассказывал про весь наш рейд от Ор-Га-ролис до Бергмарк. Мне придется много говорить.

– А мы никуда не спешим. – Валме положил рядом с первой флягой вторую. – Я не собираюсь будить дядюшку Маркуса.

– Фарнэби поздно ложится. – Чарльз вытащил полагающиеся ему, как адъютанту, часы, взгляделся и кивнул. – Мы можем еще с часок просидеть, и ты все равно успеешь.

– Не хочу. Если Маркус не будет спать, мне придется с ним говорить, а меня как-то не тянет. Часа в четыре он ляжет, тогда-то я и нагряну.

В этом была своя логика, Давенпорт засмеялся и вновь

отхлебнул пахнущего степным дымом пойла. Оказывается, все это время он хотел выпить с кем-то, кто в состоянии понять... Марсель появился удивительно кстати, а ведь при виде Ворона капитану захотелось убраться куда-нибудь подальше. В ту же Холту.

Глава 2

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 5-й день Зимних Ветров

1

Утро во всех смыслах подавало надежды, и Арлетта решила по сему поводу обновить «северное» платье фамильных цветов. Камеристка, выказав положенный восторг, была отпущена, и готовая к любым неожиданностям графиня осталась прикидывать, чем обернется очередной кульбит Рокэ, однако сюрприз преподнес Арно. Младший младший не только продрал глаза до полудня, но и заявился к почтенной родительнице. С умилительно серьезной физиономией.

– Мне тебя спрашивать о завтраке, – деловито уточнила Арлетта, – или ты для подобного слишком капитан?

– Ну, мама, – прыснул Арно, с ногами забираясь в кресло, которое отличал и мэтр Инголс. – То есть мы позавтракали с Герардом. Ты ему не поможешь остаться здесь?

– Здесь? – в самом деле удивилась графиня. – Мне казалось, он без ума от армии. Вы собрались переловить всех бесноватых Придды?

– А хорошо бы, – мечтательно протянул сын. – Дядюш-

ка Гектор сказал бы, что я допустил... забыл, как это у дипломатов зовется. Когда брякаешь ерунду, а другие ее увязывают с тем, о чем думают сами, делают умные выводы и садятся в лужу. Только я брякнул нечаянно. Здесь – это не в Старой Придде надолго, а у тебя до нашего отъезда. Принесли письмо от графа Креденьи, он хочет, чтобы Герард жил у него, и вообще собирается сделать нашего рэя своим наследником...

– Можешь не продолжать, – Арлетта погладила меховую оторочку. – На мой взгляд, Креденьи прав. Прежде я бы сравнила его родню с крысами, но минувшим летом некий представитель крысиного рода вызвал во мне симпатию. С другой стороны, сидеть за столом с таким дедом и тем более с такой бабкой... обременительно.

– Вот-вот! Герард сумки собрал, но совсем скис. Мама, я его задержал и велел ждать.

– Молодец. Вас не затруднит отправиться пофехтовать или посмотреть Старый Арсенал... Нет, не выйдет: замок готовят к празднествам, так что отправляйтесь-ка сквозь метель в город. Ты сможешь убедить рэя Кальперадо, что вы ушли раньше, чем доставили письмо, которое я вскрыю по близорукости?

– Попробую.

– Как дипломатично.

– Да уволоку я его!

– Теперь совсем другое дело. – Креденьи до глубокого ве-

вчера сидит в тессории, значит, письмо на его имя прочтет знаменитая Аглая. – Деньги нужны?

– У меня есть.

– Возьми в бюро пару сотен. У церкви Лысого Рихарда живет мастер Гишфорд, по словам Маркуса, он вполне приличный ювелир. Закажите подарки для Селины и ее подружки, потом где-нибудь перекусите. В общем – прощай, самое малое, до темноты.

– Спасибо, – сын вспорхнул с кресла и вдруг остановился. – Совсем забыл! Я же письмище тебе привез от Сэц-Пуэна. Не удивляйся, это я его заставил написать сперва про фок Варзов, а потом про всё вообще. Бедолага упирался, пришлось наплести, что ты обожаешь подробности и что Валентин тебе пишет целые поэмы... То есть не стихи, а много и образно. Сэц-Пуэн поверил и расстарался; он хотел, чтобы сперва прочел я, но у меня не вышло.

– У меня выйдет. Давай.

Размеры письмища напоминали о Манриках, вернее, о всяческих отчетах, но графиня была слишком обязана одноглазому капитану, чтобы не просмотреть его труд. Узнать о последнем бое фок Варзов тоже не мешало, однако начала Арлетта со спасения Герарда от родни.

Минутку поглядев вслед мальчишкам, любящая мать сосредоточилась и сочинила очаровательное послание к графу Креденьи, которого была бы счастлива угостить хорошим, особенно для северного захоlustья, шадди. Графиня сунула

послание в футляр с гербами, велела вызвать курьера и развернула творение Сэц-Пуэна, начинавшееся с бурных расшаркиваний.

«Ваше Сиятельство, – волновался бывший комендант Лаик, – я никоим образом не осмелился бы посягнуть на Ваше внимание, но капитан Сэ убедил меня в том, что Вы пожелаете узнать подробности того ужасного и при этом бесценного дня, который маршал Вольфганг фок Варзов вырвал у стремящегося к Доннервальду фок Гетца, однако начать мне придется издалека.

Капитан Сэ настоятельно советовал мне не благодарить Вас, и я ограничусь заверениями в том, что никогда не забуду Вашего благодеяния. Вернуть уверившемуся в своей бесполезности военному возможность сразиться за Отечество значит подарить ему вторую жизнь. Я был даже не счастлив, я просто был, ощущая всею душою, что год пустоты и отчаяния канул в небытие. Кажется, я всем улыбался – солдатам, горожанам, лошадям, даже сидящей на воротах дома, в котором квартировал фок Варзов, галке. Падавшие мне на лицо снежинки, которые я запомнил, доказывают, что было пасмурно, но я помню солнце, хоть и осознаю, что не мог его видеть. Очевидно, завладевающая человеческим существом радость подчиняет себе даже память, но я взялся за перо, чтобы рассказать о маршале...»

Алва уже часа три как сидел с Ноймариненом. Прикинув, во сколько регенту пришлось подняться, выпавшийся до предела своих немалых возможностей Марсель глотнул лимонной воды и задумался. Офицер при особе в случае отсутствия особы обязан искать на свою голову особые поручения самостоятельно. Виконт побарабанил пальцами по столу, вспомнил Бруно и, насвистывая, перебрался к зеркалу. Адуанский стиль, которого по ряду причин придерживался наследник Валмонов, подразумевал благородную и при этом слегка варварскую простоту. Марсель перебрал с полдюжины шейных платков, выбрал черный с синим, стянул волосы черной же лентой, провел пальцем по щекам и взглянул в окно, за которым буянила честная северная метель.

— *Это было бы скверно,* — пробормотал виконт, — *будь мы нынче в пути,*

Мы могли бы замерзнуть или волка найти...

— Врвм? — удивился из-под стола Котик.

— Извини, — виконт бросил волкодаву последний пряник. — Я был бестактен, волк тебе, а значит и твоим спутникам не страшен, но прогулки не выйдет. Погода.

Пес захрустел сразу скорбно и мужественно, слегка напомним Баату. Марсель вновь покосился на заоконное безобразие, поменял местами кувшин и блюдо с фруктами, после

чего принялся размышлять о съехавшейся в Старую Придду компании. Давенпорт, подвергни его какая-нибудь... герцогиня допросу, припомнил бы разве что собственные стена-ния, но виконт добыл из откровений приятеля немало любопытного. Досада на Савиньяка и страсть к загадочной Мел-хен, судя по всему, прятавшейся от незадачливого кавалера за Селину, в свою очередь, догадавшуюся прикрыться котом, были всего лишь забавны, однако по сторонам влюбленный тоже смотрел, память же у него была адъютантская.

Предпочтительно знать, кто, когда и откуда,
Только так ты поймешь, что затеял паскуда...

Из нехитрых подсчетов следовало, что первые и самые дальние паскуды засобирались на север задолго до появления Алвы. Самозванный командующий Кольцом Эрнани после беседы с Проэмперадором Юга засел в Дораке, но его сын-нок почти сразу отправился свидетельствовать свою предан-ность его величеству, читай, Георгии Оллар. С собой Дар-зье прихватил оставшуюся без браслета сестру, что вряд ли обрадовало заявившихся месяцем позже Гогенлоэ. У этих, впрочем, были дела поважней ловли женихов для целого выводка невест. Глава семейства мало того что почти поте-рял должность, еще и со стороны промахнулся. На Манри-ков ставили многие, это казалось надежным, всяко надежнее Приддов и королевы...

– Дочери обычно ценнее сестер, а Гогенлоэ банальней капусты. – Валме, живо заинтересовав Котика, полез в карман, но сейчас ему требовалась монета. – Если дракон, первым меня будет кушать Маркус.

Золотой подпрыгнул и упал на бледно-зеленый ковер. Решкой вверх, однако виконт на поводу у судьбы не пошел. Порывшись уже в конфетнице и вытащив сливочную тянучку, Марсель бросил находку Котику, перевернул неправильно упавший талл и позвонил. На пороге немедленно и бесшумно возник лакей, показавшийся несколько чрезмерным, хотя на самом деле Марсель просто отвык от мира и прилагающихся к нему породистых слуг.

– Милейший, – с легкой фальшью протянул виконт, – мне нужны шадди и цирюльник.

– Да, господин виконт, – истукан в ливрее поклонился и вышел, даже на Готти не посмотрел.

– *Как же скучно возвращаться среди бессмысленных рыл, – посетовал господин виконт, – проглядевший собаку от рождения бескрыл...*

– Врряв, – донеслось из-под стола. Котик не возражал, а докладывал о приближении нового лица, и лицо это было изрядно похудевшим Маркусом.

– Малыш, – просиял он, – ты так рано проснулся!

– Разве? – удивился Валме и небрежно коснулся талла. – Я загадал на того, кто войдет в эту комнату первым, не считая прислуги, само собой. Вошли вы, я счастлив, но шадди мне

все равно нужен.

— После завтрака, — отрезал Маркус. — Нам есть о чем поговорить, более того, мне есть о чем поговорить с регентом, и желательно сегодня.

— Бедный регент, — Валме слегка прищелкнул пальцами, приглашая Готти перейти к обнюхиванию. Дядя даже не вздрогнул, он вообще оказался отважным. Это надо было додуматься — остаться с Фердинандом, причем бесплатно и почти до конца!

3

«...я точно запомнил мгновенье, когда захотел стать артиллеристом. Батарея отбила очередную атаку, третью или четвертую, бергерский капитан, его убило через четверть часа, доложил, что, несмотря на холодный ветер, орудия опасно нагрелись. Маршал кивнул и отдал приказ для увеличения частоты выстрелов заряжать, не баня стволов. Капитан пытался возражать, фок Варзов его оборвал, бросив, что не намерен беречь пушки для дриков. Пусть рвутся, но сперва из них следует выжать все и более. Офицер отдал честь, он все понял, мы все понимали.

Бергер убежал, и стало неимоверно тихо. Отчего-то я вспомнил, что в книгах, которые я начал читать в Лаик, в подобные минуты очень много говорят, однако маршал молчал, молчали все — фок Дахе, племянник маршала полковник

Гельбраузе и двое пожилых ординарцев. Фок Варзов смотрел на флаг корпуса, который мы могли видеть, хотя прорваться к нему вышло бы разве что у кирасир; впрочем, прорываться никто не собирался, а ведь такая возможность полчаса назад у нас имелаась.

Батарейю тогда еще не отсекли, ее успевали вывезти, однако несколько часов до темноты были важнее и пушек, и артиллеристов, и всего корпуса. Не буду лгать, тогда я об этом не думал, кажется, я не думал вообще. Пороховой дым медленно, очень медленно рассеивался, он был удивительно бел, много белее снега, казалось, с небес сорвали облако и бросили нам в лицо – странное чувство... Потом впереди завыла труба. Я не успел заучить сигналы дриксенской Горной армии, но он мог означать одно – конец передышки...»

– Сударыня, – камеристка держалась с должной невозмутимостью, но что-то в ее голосе было не таким, как обычно. – Вас желает видеть супруга графа Креденьи. Она, как вы и распорядились на ее счет, в приватной гостиной.

– А свита? – Аглая Кредон нипочем не явится к графине Савиньяк без эскорта.

– Госпожа оставила свиту в приемной.

– Спасибо. – «Супруга графа Креденьи»... В Фарне подбирать слова умеют не только хозяева. – Какие на ней цвета?

– Госпожа сочла уместным надеть розовое двух близких оттенков.

Луиза Арамона, описывая маменьку, не преувеличивала,

хотя глупость и ум порой приходят к одному решению, и поди разбери, кто его принял. Цвета Креденьи напоминали бы о происхождении новоявленной графини, а девический розовый – всего лишь о том, что годы ей не указ.

– Распорядитесь о шадди, и пусть Гастон подберет что-нибудь... подходящее для супруги графа Креденьи.

– Да, сударыня.

Окажись поблизости кто-то азартный, впору было бы заключить пари, угодит ли повелитель буфета столь примечательной гостье. Теща выходца за неделю с небольшим раздразнила чуть ли не всех обретающихся в Старой Придде дам, Арлетта полагала это удачным.

Женщина перевернула небольшие песочные часы, убрала оказавшееся истинным бриллиантом «письмище» и набросила темно-красную шаль с оленями. Знакомство с Герардовой бабкой началось со свиты, которую вышедшая из дверцы для слуг графиня застала врасплох. Вскочивший зверинец впечатлял. Аглая прихватила с собой четверку уродливых компаньенок, обвешанную мешочками и футлярчиками щекастую камеристку и завитого юношу без шпаги, видимо, секретаря. Сама Аглая записала бы разодетого молодого человека в любовники, однако Луиза полагала мать падкой не на красотунов, а на почести. Слегка щурясь, графиня отмахнулась от затрепыхавшейся компании и самолично распахнула дверь.

С порога госпожу Креденьи можно было спутать с доче-

рюю собственной дочери, вблизи все становилось на свои места, хотя, пожертвуй усыхающий анемон рюшами и локонами, время не казалось бы столь всесильным.

– Дра-агая, – Аглая томно протянула лапки в девичьих кружевах. – Я так рада вас видеть. Тем более здесь...

– Увы, – подмастила мать Проэмперадора, – Старая Придда несколько провинциальна.

– О... Ужа-а-асно! Вы написали моему супругу, но он так за-анят.

– Должность тессория довольно-таки хлопотна.

– Ужа-а-асно, но садитесь же, дра-агая.

Сесть в собственном доме, пусть и временном, графине Савиньяк еще не предлагали, это было восхитительно.

– Сейчас подадут десерты, – улыбнулась Арлетта. – Надеюсь, они вам понравятся.

– Если они не подойдут, я та-ак и скажу. Мы этой зимой три ра-аза меняли повара.

– Воровство или бездарность?

– Мой супруг тессорий не потерпе-ел бы воровства. Глупость, скверные мане-еры, и они так уж-жасно варили шадди.

– Вы любите шадди?

– Обо-ж-жаю, но пью его один раз в неделю и обяза-ательно до полудня.

Розовая Аглая не врала. Можно подделывать многое, но не истинную любовь к морисскому ореху. Пока графиня Кре-

деньи смаковала напиток, она казалась почти милой старушкой, которую злые люди вырядили в кукольное платьице.

– Ваша дочь не упоминала о том, что мы сходимся в своих пристрастиях, – заметила Арлетта и услышала, что граф и супруг полагает дивный напиток опасным. Смертельно.

– Для *мужчин*, – понизила голос Арлетта, стараясь произнести *ужа-асное* и при этом волнуящее слово с должным придыханием. – *Мужчины* часто страдают сердечными хворями.

– Мой супруг здоров, – заверила графиня Креденьи и перешла на дам, что, злоупотребляя шадди, портят себе цвет лица и волосы.

– Я знаю, – весело откликнулась Арлетта, – я груба и неженственна, но в моем возрасте это можно позволить. Собственно говоря, я могла себе это позволить и в молодости.

Аглая хихикнула и поправила кружавчики, после чего принялась, не скрываясь, изучать туалет хозяйки. Не лишенная едкости эпиграмма о впущенной во дворец обезьянке в бантиках веселила Старую Придду третий день, только обезьянка, добившаяся невозможного, полной дурой быть не может, а замашки... Свой смысл есть и в них. Если тебе ни-почем не стать своей, оставайся чужой. Если тебе шипят в спину, начинай лаять. Чем громче и визгливей, тем лучше! Девочку в окошке без Рамиро и Франциска затопчут, графиня Креденьи вывернется и цапнет. Больно и почти наверня-

ка — ядовито.

— Те-емное ста-арит, — снизошла до совета разглядевшая, наконец, хозяйку гостя. — И тяже-елое.

— Зачем... матери маршалов молодиться? — Упомянуть о вдовстве было бы уместней, но не разменивать же главное в своей жизни на придворные дразги? — Кстати! Маршал Лэк-деми очень высокого мнения о внуке графа Креденьи.

— И ре-егент герцог Алва, — голубенькие глазки мечтательно закатились. — Ах, я ему та-ак обязана... Вы знаете, регент в Октавианскую ночь меня спас от злодеев... У нас были гадкие соседи, особенно один. Мерзавец был булочником, регент его вздернул на собственном крыльце, это было уж-жасно, но так справедливо! Я сочла своим долгом посмотреть... на торжество добродетели. Мне стало дурно, но у меня были фельпские соли... Я вы-ыдержала.

Луиза упоминала, что мать целый день бегала смотреть на повешенного, не забывая объяснять всем встречным, что злодей наказан лично Вороном за покушение на Аглаю Кредон. Арлетта убрала с уж-жасно старящего ее бархата пушинку и глубокомысленно свела брови.

— Нигде, — вздохнула графиня, — нигде нельзя чувствовать себя в безопасности... Мы не знаем, не можем знать, что на душе у тех, кого мы не замечаем. У всех этих булочников, поваров, дворецких! Однажды мы с вашей... госпожой Арамона стали свидетелями омерзительной сцены. Дворецкий маркиза Фарнэби имел отличные рекомендации, тем не ме-

нее он сошел с ума и напал на юную девицу, а незадолго до того я столкнулась с обезумевшим ментором... С тех пор я не выхожу без должной охраны. Не спорю, хороший секретарь полезен, но пара торских ветеранов жизненно необходима.

– Вы так пола-агаете? – протянула живо заинтересованная красотка, и Арлетта молитвенно сжала руки.

– Это может спасти счастье тех, кто вас любит.

– Коне-ечно... Граф Креденьи был бы безуте-ешен.

– Не только он, – окончательно не выдержала графиня Савиньяк. – Мир без вас утратит часть красок. Он станет менее розовым.

– Пра-а-авда? – чистенький мизинчик коснулся нарумяненной щеки. – Вы так инте-ересно говорите.

– Я – урожденная Рафиано.

– Граф Креденьи знает вашего брата... Мой супруг не сомневается в ва-ашей добродетели и никогда не верил в эти уж-жасные слухи про графа Валмона.

– Ваш супруг мудр.

– О, – супруга Креденьи опустила глазки, – о...

– Он не верит сплетням, но лучше не давать сплетникам лишнего повода. Порой это невозможно, когда дело идет о... Надеюсь, вы меня понимаете?

– Дра-агая...

– Я не сомневаюсь в вашей прозорливости. Мой сын маршал Лэкдеми пишет, что граф Креденьи хочет сделать своим

наследником своего внука Герарда.

– Рея Кальпирато, – жеманно поправила бабушка. – Регент герцог Алва сделал Герарда реем, они встретились в моем доме, и регент был так любезен.

– О, Рокэ с дамами сама любезность! Но юный Герард в самом деле отличный офицер. Открою вам секрет, рэй Кальперадо оказал моему сыну огромную услугу. Ваш супруг может гордиться таким внуком, но, насколько я помню, у графа Креденьи есть младший брат, который сейчас является наследником.

– Приживальщик, – припечатала Аглая, – и подкаблучник. Я про его козу такое могу...

– Самое малое, она лишена такта.

– Са-авершенно, – опомнилась графиня-тесемочница. – Ну просто са-авершенно.

– С этой дамы станется распустить сплетню о том, что Герард влияет на графа Креденьи, чтобы прибрать к рукам его состояние. Будет лучше, если рэй Кальперадо останется со своими товарищами – герцогом Приддом и моим младшим сыном и как можно меньше будет встречаться с дедом и вами. Это выбьет сплетников из седла.

– Вы так пола-агаете?

– О! Я знаю цену слухам.

– Я в них никогда не верила... И граф Креденьи...

– Я перед вами в долгу...

– Дра-агая...

– А перед госпожой Арамона и ее дочерью в долгу весь Талиг. Они очень рисковали, выполняя личную просьбу регента. Понимаете, герцог не мог так просто уехать, когда... когда... Надеюсь, вы меня понимаете?

– Ах... Мне говорили, Катарина Ариго походила на меня...

– Как сказать. Ее величеству приходилось носить тяжелые платья. – Которые делали ее хрупкой девочкой. – Королева не вправе позволить себе вольностей в одежде.

– О... В одежде, – Аглая тоненько хихикнула и прикрыла губки платочком. – Регент и герцог просил Луизу позаботиться о... вы ведь понимаете?

– Мне кажется, да. Не сомневаюсь, верность Луизы и Селины будет оценена. Я знаю, вас шокировало согласие госпожи Арамона стать дуэньей. Поверьте, если бы она могла открыть вам тайну, она бы ее открыла.

– Дра-агая, я знала все с самого начала! Я вижу людей насквозь, конечно, я молча-ала...

– Но разве не вы давали советы относительно туалетов Селины? В голубом она упоительно хороша.

– Да, недурна, но ей надо испра-авлять манеры. Селина слишком провинциальна, чтобы находиться в нашем доме. Луиза тоже опростилаась... Она зл... Она-а страдает, что совсем не похожа на меня, но лучше выглядеть можно всегда. Я ей даю на-алежащие советы, но это ее ужасное упря-а-мство, эти манеры...

– Бедняжка была несчастлива в браке, но при этом ничем себя не запятнала. Более того, она, несмотря на... дурное поведение супруга, сохранила семью. Вы, полагаю, слышали о несчастливом замужестве старшей дочери герцога Ноймаринен? Она не смогла стерпеть того, что Луиза переносила с истинно олларрианской кротостью.

– Лу не шлюха, – засвидетельствовала розовая добродетель, – она никогда бы не повела... Супруг нам дается свыше, его надо чтить и...

– Учить добру, – подсказала Арлетта, – как завещал святой Павсаний.

– Ах, как вы пра-авы! Я как раз хотела напомнить эту проповедь. Лу пришлось тяжеленько, с ее ног... внешностью, но она терпела...

– И ее терпенье было гордым.

– Как вы все па-анимаете!

– Не забывайте, я путешествовала с госпожой Арамона. И я, как мать военных, имею некоторое представление о капитане Арамона.

– Похотливый скот! Мужлан!

– Мне очень жаль Луизу, – тихо и в самом деле искренне сказала Арлетта. – Ее молодость, ее надежды...

– Да ни на что она не надеялась, куда ей! С такой ро... Луиза удалась в господина Креденьи, он ей и добыл жениха. Не лучшего, я так прямо и сказала.

Пора было смущаться, Арлетта смутилась и сменила тему.

– Вы не встречали маркграфа Бергмарк? – быстро, пожалуйста, даже торопливо, спросила она.

– Откуда? Он же сейчас сюда ни за что не поедет! Тут же эта фи...

– Урфрида, – шелковым голосом перебила графиня Савиньяк. – Урожденная герцогиня Ноймаринен предпочла вернуться к родителям, и я ей очень сочувствую. Конечно, ее появление расстроит тех матерей, у кого дочери на выданье.

– Х-ха, – почти тявкнула собеседница. – Гогенлоэ.

– Простите, не при слугах!

– Дра-агая.

Фарнский кудесник прислал лимонное желе, посыпанные корицей заварные пирожные, печеные яблоки под взбитыми сливками, мед, орехи и три вида сыра. Он принял в расчет локоны и кружева и позорно проиграл – гостя пристроилась к сыру. Графиня Креденьи хватала насаженные на серебряные шпажки кусочки и, отставив пальчик, отправляла в ротик, не забывая поносить Гогенлоэ, которых ненавидела даже сильнее, чем булочника-лигиста. Еще бы, ведь того уже повесили, а гнусные родственники имели наглость жить, претендовать на наследство и при этом воротить от Аглаи свои острые носы.

– В армии служат не самые утонченные люди, – улыбнулась Арлетта, – а я провела жизнь среди военных. Они полагают, что некоторые носы созданы, чтобы клевать, прошу прощения, конские яблоки.

– Уж-жасно, – просияла Аглая и понеслась дальше. Драгая графиня Савиньяк узнала, что бывший геренций лезет из кожи вон, чтобы удержать должность, и Рудольф принял его сторону. Гогенлоэ воспрял, но возвращение и победы принятого в доме Аглаи Кредон регента выбили старого уroda из колеи. Сперва в споре за наследство Креденьи геренций поддерживал зятя, а теперь виляет и юлит. Кроме того, он хочет получить опекунство над внучками, которых забрал из Бергмарк якобы из жалости. Только на самом деле внуки ему нужны, чтобы подгрести под себя хотя бы часть состояния Манриков, благо прибрать к рукам нажитое бывшим тессорием охотников хватает. И самый шустрый – наследник Дораков: прискакал сперва в Ноймар, а потом в Старую Придду, да еще и сестрицу притащил, а та, между прочим, ведет себя непристойно.

– Девушку, – плеснула маслица в огонь Арлетта, – наверняка расстроил возвращенный браслет. Расторгнутая помолвка – это всегда огорчительно.

– То ли дело от мужа отделаться!

– Я все же не советую вам обсуждать герцогиню Урффриду при посторонних.

– Дра-агая, вам я доверяю! Но мне пора-а...

Аглая Кредон чмокнула Арлетту в щеку и выпорхнула лягушечкой, возомнившей себя морискиллой. Прелестная тема, особенно если вспомнить ядовитых дигадских пучеглазок. Арлетта отщипнула пару виноградин и перебралась к

столику, на котором утром «забыла» письмо Урффриды с предостережениями против дам Арамона. Оно лежало так же, как и прежде, но спрятанная меж страниц соринка исчезла: розовая лягушечка узнала то, что следовало.

Глава 3

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 6-й день Зимних Ветров

1

Размеренный торжественный стук напомнил о подзабытых дворцовых мерзостях, но в Старой Придде не убивали, не хватали и не оговаривали. Личный секретарь герцогини Ноймаринен, почтенный крючконосый ноймар, всего лишь передал приглашение своей госпожи, на что Робер растерянно кивнул и, подавив желание удрать если не к Ворону, то к Валме, позволил препроводить себя к матери Эрвина.

Герцогиня, приятная немолодая дама в золотисто-коричневом платье, низала бисер в полном одиночестве. Отчего-то это удивило, как и не по-северному хлипкий круглый столик, на котором красовались желтые яблоки и орехи.

– Спасибо, Хофф, – хозяйка аккуратно убрала свою работу в костяную шкатулку, – до вечерней диктовки вы свободны. Надеюсь, герцог, вас хорошо устроили?

– Да, сударыня, – честно подтвердил Эпинэ, – благодарю вас.

– Моей заслуги в этом нет, нам с мужем сообщили о го-

стях лишь утром. – Женщина медленно опустила резную крышку и поднялась. Она мало напоминала царственную красавицу с загубленного Савиньяком портрета и еще меньше – хмурую тучную старуху, из-за которой Ро удостоился чудовищной нахлобучки. Мало общего было у нее и с братом, впрочем, Фердинанда Оллара Робер особо не разглядывал.

– Как же ты похож на Мориса! – герцогиня красноречиво протянула руку, и Робер поднес ее к губам. – Простите, герцог, воспоминания... Я рада вас видеть, и вдвойне рада, что вы во всех смыслах вернулись домой.

– Так получилось.

– Да, так получилось... Нам с вами придется не слишком просто, хорошо, что вы это понимаете.

– Признаться, – вспомнил уроки мэтра Инголса Иноходец, – не слишком.

– Знакомиться надо прежде, чем станет неловко, но в нашем случае это невозможно. Остается неловкость преодолеть, и делать это лучше без свидетелей, даже самых дружелюбных, но садитесь же!

– Благодарю.

Казавшийся в сравнении со столиком несокрушимым стул легонько скрипнул. Будто поприветствовал.

– Вам удобно?

– Да, конечно.

– У Арлины... графини Савиньяк ладить с людьми полу-

чается лучше, чем у меня. Кровь Рафиано – это кровь Рафиано.

– Графиня Савиньяк дружила с моей матерью.

– Я тоже. Пока у меня была такая возможность... Увы, герцогиня Ноймаринен не могла писать в Старую Эпинэ, по крайней мере при жизни старого герцога.

– Моя мать это понимала. – Жозина раз за разом писала тем, кого считала друзьями, а тетка Маран воровала письма. Молчащая пустота казалась приговором, пока не нагрязнула Арлетта Савиньяк...

– Бедная Жозефина! Не представляю, как она вообще жила все эти годы. Ваш дед был удивительно мужественным и верным, но мужчина, тем более сильный и непримиримый, – дурной утешитель. Если бы только кто-то из вас... я о сыновьях, успел жениться.

– Это зависело от деда.

– Но теперь все зависит от герцога Эпинэ. Молодого герцога. Не сомневаюсь, твоя мать хотела бы именно этого.

– Она успела мне сказать о женитьбе и о том, что я должен... договориться с властями.

– Второе ты уже сделал... Рудольф... Мой супруг был удивлен, а я – нисколько, затея с Раканами с самого начала дурно пахла. Нет, сама мысль о том, что величие Талига кроется в памяти о лучших временах, верна, но беглецы слишком быстро становятся чужаками и пособниками врагов. Тебе повезло, ты вернулся вовремя.

– Я опоздал. – Опоздал объясниться если не с Вороном, то с Арлеттой, спасти мать, остановить рванувших к обрыву дурней. Сколько бы уцелело, начни он думать годом раньше? Удо с Рихардом точно. Карваль, Жильбер...

– Успей ты к деду, – задумчиво произнесла герцогиня, – ты бы не допустил даже мысли о примирении. Анри-Гийомом нельзя не восхищаться, но он побежден и мертв, а мы живы. Талиг – это мы, Робер. Разные, не понимающие друг друга, порой не желающие понимать, тем не менее юг и север обязаны объясняться и объясниться. Вам с Эрви удалось стать друзьями, что обнадеживает, но, с другой стороны, эта твоя ссора с молодым Дораком... Вы же не просто южане, вы – почти земляки!

– Мы не ссорились.

– Разве?

– Виконт Дарзье хотел нас арестовать, меня и Мевена. Валме не позволил.

– Понимаю. Теперь ты ему благодарен.

– Так и есть, – не стал вдаваться в подробности Робер. Как оказалось, зря, потому что герцогиня принялась его мирить, вернее, примирять еще и с Валмонами.

– Они непохожи на нас и никогда не будут похожи, – объясняла хорошая чужая женщина, перед которой отчего-то становилось все более неловко. – Граф Бертрам блюдет собственные интересы и не способен говорить прямо, но он принес и еще принесет Талигу немало пользы. Валмоны никоим

образом не друзья, но они, мой супруг в этом не сомневается, ценные союзники, тем более глава фамилии исключительно предан графине Савиньяк.

– Я не имел в виду ничего дурного, – торопливо объяснил Эпинэ. – Проземператору Юга я очень обязан, а... виконт Валме привел к Кольцу кэналийцев и этим спас нас всех.

– Можешь не продолжать, – невесело улыбнулась себе-седница. – Семейное благородство вынуждает тебя испытывать благодарность, и оно же отвращает тебя от людей, которые, оказавшись рядом с бедой, выжидают и смакуют сыры. Валмон мог остановить Колиньяра, но самоустранился, впрочем, так поступили и другие. Мы с супругом, увы, не исключение.

– Герцог Ноймаринен защищал перевалы.

– Валмон *свои* перевалы защищает всегда. Робер, я ведь могу так тебя называть хотя бы в память родителей? И я могу говорить тебе «ты», хотя я же это уже говорю! Сама не заметила, как начала... Ты не в претензии?

– Разумеется, сударыня.

– Мы станем друзьями, но сперва я должна принести извинения за всех, кто не вмешался, когда Старую Эпинэ толкали к восстанию. Не важно, что за этим стояло – выгода, нежелание, расстояния, куриная слепота... Вас у Жозефины было четверо, теперь остался лишь ты. Последний из Эпинэ, вообще последний. Ты обязан выжить и вырастить хотя бы

одного сына, хотя что это я? Арлина наверняка тебе об этом не раз говорила!

– Да, сударыня. – Зачем он врет? Арлетта ничего не говорила, вернее, говорила другое. О том, что нельзя решать за женщин и шарахаться от любви. Говорила о любви и сестра, именно о любви, а не о семейном долге.

– Тебе неприятно это слышать? Я знаю, недавно ты был сильно увлечен.

– Сударыня, я бы не хотел...

– Разумеется, но женщин из дома Ноймаринен учат лечить раны, а значит, когда без этого не обойтись, причинять боль. Сейчас ты думаешь о своей потере, а должен думать о последнем материнском желании, о долге перед всеми погибшими, о Талиге, в конце концов! Я слышала, твоя покойная возлюбленная была не только красива, но и порядочна, и разумна. Она бы сказала то же, что и мы с Арлиной... Мне следовало бы запастись вином, только скоро обед, и Рудольф не преминет подать вашу вечную касеру.

– Спасибо, сударыня, я прекрасно обхожусь без вина.

– Похвально, но порой оно рушит преграды, а я хочу, чтобы мы стали друзьями. Что такое?

– Мама, прости. – Раздавшийся за спиной женский голос был негромким и мелодичным. – Я думала, ты одна, я сейчас уйду.

– Ну нет! – Георгия улыбнулась. – Войди и поздоровайся с кузеном Катарины, ты должна его немного помнить. Моя

старшая дочь Урфрида. Недавно тоже осталась одна, и тоже не по своей вине.

– Сударыня, – Робер с готовностью вскочил, прерывая малопонятный невеселый разговор. – Примите мои соболезнования.

– Вы неверно поняли маму, – довольно красивая дама в багряном атласе чуть заметно улыбнулась. – Мне следует принести поздравления, но с толикой скорби. Как генералу, выигравшему битву с серьезными потерями, однако мы в неравном положении. Я о вас слышала много и хорошо, а вы в лучшем случае помните, что я существую.

– Сударыня...

– Фрида... Урфрида знает, что говорит. Вы ее встречали, если встречали, в том возрасте, когда молодые люди заглядываются на зрелых красавиц.

– Я не заглядывался, – запротестовал Эпинэ, понял, что ляпнул неопишемую чушь и быстро пояснил: – В юности меня привлекали лишь лошади и война.

– Такое соперничество не унижает, – улыбка Урфриды стала чуть заметнее. – Женщины севера признают за мужчинами право на войну и на то, что для нее требуется. Вы ведь друг Эрвина?

– Да, – подтвердил Иноходец, пытаясь понять, что же в этой Урфриде кажется знакомым. До боли, до непонятного и неистового желания вскочить и выбежать вон.

На аудиенцию Жермон явился вовремя, но у Рудольфа все еще был Алва. Ариго выслушал адъютантов и попросил бумагу и перо, однако написать Ирэне не удалось. Ожил колокольчик, хромой капитан исчез за дверью и тут же вышел, сообщив, что генерала Ариго просят войти.

— Ну, здравствуй, — Рудольф был на полпути между окном и дверью. — Удивил так удивил, но ничего не скажу — молодчина!

— Я? — растерялся Жермон. — Боем командовал Эмиль, я только...

— Женился, — подсказал от стола Ворон. — Герцог удивлен именно этим. Маршалство он воспринял с полным пониманием.

— Именно, — фыркнул Ноймаринен. — Счастлив?

— Неимоверно, — опять вмешался Алва и поднялся. — Мне хочется пристойного шадди, а единственное место, где его можно получить, это ставка графини Савиньяк.

— Фарнэби тоже здесь. С поварами и брадобрями.

— Шадди не только морисский орех с водой, но и разговор. Ариго!

— Да?

— Засвидетельствуйте мое почтение дамам, от которых я сбегаю.

– И Леоне? – добродушно усмехнулся Рудольф, поворачивая к окну.

– Леоне не надо. Кэналлийский я вспомню завтра.

Регент Талига толкнул явно пустую кружку из-под глинтвейна к упрятанному под грелкой-гусыней кувшину и быстро вышел. Стукнула дверь, закачался шнур звонка.

– Будто приснился. – Ноймаринен задумчиво потер спину. – Не хотелось бы просыпаться, уж больно сон хорош. Так счастлив ты или нет? Изволь сам сказать.

В ответ Жермон лишь блаженно улыбнулся. Задремавшее на время сражения и отступившее у гроба Вольфганга счастье расправило сразу и крылья, и хвост; умей Ариго петь, он бы запел. О серебряных глазах и прячушем сокровище омуте.

– Вот и отлично! – Рудольф все прекрасно понял. – Должно же кому-то и в любви везти, а тебе жизнь неплохо так задолжала, пора и отдавать. Жаль, с перевязью Алва поторопился, лучше бы ее при всех на тебя король надел.

– Король? – не понял новоявленный маршал. – Как? Откуда?

– Из Ноймара. Никуда не денешься, Талигом правит малыш, которого пасти и пасти. И еще больше никуда не денешься, его надо показывать подданным. День рождения короля – неплохой повод для первого после заварухи большого приема, но главное – возвращение Рокэ, а то особо недоверчивые про него чего только не навывдумывали. Вы ведь

прежде почти не сталкивались?

– Нет, – начал Жермон и понял, что ведет себя как чужой, и Рудольф это вот-вот заметит. Пить не хотелось, но Ариго быстро взял с подноса чистую кружку. – Я и Савиньяков с юности не встречал.

Беловолосые мальчишки выросли в маршалов и вернулись в жизнь торского генерала чем-то очень важным, особенно Лионель. Как он сумел понять? *«Желаю вам счастья, графиня, причем немедленно»* ... Кольцо с фамильным рубином исчезает в воде, маршал продолжает говорить о старых бедах, и те разжимают когти.

«Я уже пожелал графине счастья, что равноценно решению на брак. Ближайшего епископа я, само собой, уведомлю, и да минует вас Шар Судеб, должен же он кого-то миновать!» Разумеется, Савиньяк сам повел корпус на Заля не ради них с Ирэной, но Жермон не сомневался: Лионель, уходя, вспомнил и об этом... Маршал вернется с победой, никаких сомнений в этом нет и быть не может, но беды в самом деле лучше жечь, как это по осени делают мараги.

– ...родственник-то тебе как? Я про Эпинэ.

– Мы поладили, – с трудом вырвался из навязчивых грез Ариго. – Наверное, из-за сражения, там не до выяснений было.

А ведь останься командующий в строю, они бы с Робером неделями кружили друг вокруг друга, не представляя, о чем можно говорить, а о чем – нет. Спасибо бесноватым, потес-

нившим и Ирэну с ее первой любовью, и королеву, которая стала Эпинэ настоящей сестрой.

– Вот бы мне тоже поладить, – Рудольф потер поясницу. – Хоть ты на семейном обеде посидишь, раз уж Рокэ удрал.

– Спасибо.

– Не за что благодарить! Мы, чтоб ты уразумел, теперь не просто маршалы, старый да пара молодых. Мы – августейшая фамилия, и быть нам таковой еще лет двадцать, не меньше. Я так и помру, а вы, может, еще и освободитесь. Перевязью Рокэ тебя уже осчастливил, но ты еще и член регентского совета. Как брат Катарины.

– Но ведь моя... мать...

– Это *ты* знаешь, причем зря. Когда на башке плешь, надевают шляпу. Когда страна дыбом, изображают, что все прекрасно. У нас есть *законный* король, наследный принц и пара принцесс, но детям нужна взрослая родня. Сильная и дружная. Так вышло, что Карл с сестрами у нас, а Октавий на юге, где и останется. Чтобы не исполнить последнюю волю матери, любой, надо быть либо подонком, либо регентом. Спасибо, нас с Алвой участь подонков миновала: Талиг слишком многим обязан королеве, чтобы нарушать ее последнюю волю. Катарина оставила сына на Эпинэ, в котором, судя по всему, нашла брата, значит, и нам придется разглядеть в Иноходце родню. Эрвину это удалось, а тебе?

– Кажется, да. – Но что будет, когда Ирэна все же встретит свою первую любовь? Ничего, или прошлое попробует взять

свое? – Робер вам понравится... Моя... жена считает, что мы похожи.

– Немудрено, вы же кузены, причем без подделки! Ладно, давай выпьем для храбрости и пойдем обедать. Георгия взялась объяснить Эпинэ, что здесь его не съедят, будем надеяться, у нее получилось.

3

Больше всего Роберу не хватало Валме. С виконтом за плечом или хотя бы с Готти под столом он чувствовал бы себя уверенней. Хозяйкам тоже было непросто, особенно Урфриде, которая отчего-то не уходила. Молодая русоволосая дама в жемчугах смотрела то на нетронутое яблоко, то на серебряный ножик, иногда поднимая равнодушные серо-зеленые глаза. Иноходец не знал, как она осталась одна, но потеря всегда потеря.

– Я выросла на севере, – рука без браслета тронула ножик, – но так и не привыкла к метелям. Когда вместо земли и неба серая муть, становится страшно, особенно если смотреть из окна.

Георгия промолчала, комнату заполонила неприятная тишина, потом тоненько звякнуло, встречаясь со стеклом, серебро.

– Мне приходилось переживать торские метели, – не выдержал молчания Эпинэ. – Это не так уж и трудно.

– Мужчинам на войне не страшно, это мы боимся, – задумчиво произнесла герцогиня. – Когда счастливы, боимся за свое счастье; когда счастье уходит, мы принимаемся бояться будущего или прошлого.

– Прошлое исчезает, – Урфрида все же взяла яблоко, – не сразу, но исчезает. Иногда это хорошо, чаще – больно... Мне не нравится забывать, а вам, герцог?

– У меня забывать не получается, но впереди всегда что-то есть, в том числе и хорошее.

– Вам сейчас трудно? – сестра Эрвина поднялась. – Трудно и непонятно? Мама, извинись перед герцогом за меня. Обед уже совсем скоро, я должна поправить прическу.

Она исчезла так же неожиданно, как и появилась, оставив нетронутое яблоко и смешанное с облегчением недоумение. Герцогиня устало вздохнула.

– Возвращайся ты в армию, я бы ничего не сказала, но завтра вам с Урфридой сперва придется сопровождать Октавию, а потом идти четвертой парой в Кальтарине.

– Не надо, – растерялся Иноходец, – то есть... Я не готов, и тут столько... достойных. Алва... Валме...

– Алва, как регент, пойдет в первой паре с хозяйкой, то есть со мной, Рудольф составит пару графине Савиньяк, третьими будут дядя короля по матери граф Ариго с моей невесткой. Ты, как опекун принца Октавия и кузен покойной королевы, – четвертый, тебе требуется дама, а Фрида – кузина Карла. Более близких родичей у детей Катарины Ариго

нет, собственно говоря, их вообще нет.

– А... Я забыл фигуры, может быть, Придд? Он помнит все, и он теперь тоже родственник. Через Ирэну, то есть графиню Ариго.

– Фигуры ты вспомнишь, тело всё запоминает раз и навсегда, особенно в детстве. Степень близости герцога Придда к Олларам несопоставима с вашей, причем во всех смыслах. Этикет жестче устава, тот порой удастся отбросить.

– Понимаю, – ненавистное слово как нельзя лучше отражало мерзкое положение. – Я попробую.

– Урффрида – хорошая партнерша, она сумеет тебе помочь, а вот передо мной стоит отвратительный выбор. Предоставить действовать сплетницам, попросить о помощи Арлину или же рассказать самой.

– Сударыня, поверьте, я ничего, то есть ни о чем не...

– Завтра тебе всяко придется бродить по залам. Тебя будут останавливать, заговаривать, приглашать, кто-то неминуемо расскажет и о скандале в нашем семействе.

– Я не люблю сплетен.

– Ты не любишь, но другие без них не могут жить. Если ты не станешь слушать, решат, что ты знаешь что-то непристойное, так что лучше тебе в самом деле знать. Все очень просто. Моя дочь оставила мужа, который предпочел ей любовницу. Урффрида терпела столько, сколько могла, но, когда супруг решил признать незаконного сына и объявить его своим наследником, не выдержала. Ты что-то хочешь спросить?

– Почему? – Ничего он не хочет спрашивать, ничегошеньки! – Маркграф еще не стар, у него еще могут быть... Может появиться законный наследник.

– Бергмарк живет дикарскими законами, – герцогиня оглянулась, Робер проследил за ней взглядом и увидел массивные бронзовые часы, – а пренебрежение супружескими обязанностями появлению законных наследников не способствует. Рудольф, мой муж, очень недоволен поступком Урффриды, но я свою дочь понимаю. Твоя кузина предпочла терпение, правда, мой брат ее хотя бы любил. Сойдись Фердинанд на глазах супруги с какой-нибудь Дженнифер, Катарина бы поступила, как Фрида. По крайней мере, я хочу в это верить.

Катарину нельзя было не полюбить, за что ей до сих пор мстят спасенные ею дряни! Сказать подобное об Урффриде Иноходец не мог, но Георгия Оллар ответа не ждала.

– Теперь ты знаешь правду, – герцогиня встала и расправила юбки. – Подай мне руку, нам пора. Имей в виду, мой супруг во время разговора бродит по комнате. Пока мы обедаем, он, разумеется, будет сидеть за столом, но потом женщины уйдут пить шадди, а вы останетесь. Поверь, к тебе Рудольф достаточно расположен, но в первый раз он может показаться суховатым и подозрительным. Мне, во всяком случае, показался... К счастью, я ошиблась. Мы прожили хорошую жизнь, и я надеюсь, что мои дети и дети моих подруг тоже найдут свое счастье. Рано или поздно.

Герцогиня была вежлива, но беспокоили ее собственные дочь и сын, разумеется, если Эрвин был с матерью хоть сколько-нибудь откровенен. Робер подал собеседнице руку, и они чинно дошли до просторной столовой, на пороге которой высился седой сутуловатый великан. Бывший регент и бывший Первый маршал Талига.

– Рудольф, – герцогиня сжала локоть Робера. – Это сын Жозефины, но главное не это. Я полностью согласна с Эрвином, и вы знаете в чем.

Ноймаринен шагнул вперед:

– Моя супруга решила начать с откровенности, – объявил он, – так тому и быть. Я устал от споров на ваш счет и сдаюсь. Вас занесло к мятежникам не по вашей воле, но теперь все в порядке, вы там, где нужно, и с теми, с кем нужно. Остаься я регентом, я бы дал вам Охоту, а маршальская перевязь и так ваша. Прошу к столу, и не пытайтесь вставать, если встану я.

– Я предупредила Робера, – заверила герцогиня. Вот о чем она не сказала, так это о встрече с прошлым, а оно неслышно вошло в мрачноватую столовую и взглянуло в упор черными кэналлийскими глазами. Глазами Леоны Салина.

4

Белые зимние гвоздички на полу казались сугробом. Цветы Росио добыть-таки умудрился, но вот осталось ли что-то для королевских торжеств?

– Прекрасно выглядишь, – прижать к груди чужого сына тянуло страшно, но Арлетта все же осталась сидеть. – Я больше тебя не боюсь и могу не следить за лицом. У меня есть шадди, а в Старой Придде, похоже, есть шпионы. Одно письмо, по крайней мере, пропало. Не мое.

– Чье же? – полюбопытствовал угодивший в регенты Ветер, усаживаясь напротив. – И кому оно может навредить?

– Трудно сказать... Влюбленная в тебя девица, которую ревнует к Ли уже незамужняя дама, поведала матери о былых бедах своей еще не известной тебе подруги.

– Старая Придда превратила вас в Рафиано.

– Боюсь, недостаточно. Твоя победа отогревает слишком много змей.

– Вам надо продержаться с месяц, не больше, потом подспеют ежаны, но победу Талигу принес Эмиль. Я командовал дриксами, вышло забавно... Вы были правы, Фельсенбург похож на меня.

– Несомненно, но я тебе этого не говорила.

– Фельсенбургу показалось, что вы его узнали. Мало того, я тоже его узнал, вернее, себя. На Винной я должен был выглядеть так же, по крайней мере пока защищал девицу. Руперт защищал Бруно, правда, тот был в углу, и я поначалу не обратил на него внимания... Шадди – это прекрасно, но вам нужно вино.

– Мне?

– Вам, Арлетта, и немножко – мне. Я виноват перед вами,

а каяться перед выпившими женщинами удобней.

– Ты был бы виноват, если б пошел на поводу у Георгии и умер.

– Тогда я был бы скотиной. Так, по крайней мере, считает Валме.

– Куда ты его дел?

– Отпустил поохотиться. Первым был съеден Давенпорт, кого жуют сейчас – не скажу, дичи здесь хватает. Вино скоро отдышится, и вам станет легче.

– Мне стало легче, когда вернулся Эрвин. Ты не поторопился с его производством?

– Почему вас так занимает семейство Ноймаринен? Они что-то натворили?

– Нет... Пока нет, но я здесь живу. Георгия не верила в твою жизнь, Эрвин тебя увидел, Рудольф обрадовался, но усомнился в твоих решениях.

– Спасибо, он мне уже сказал.

– А ты?

– Я закусил удила. Арлетта, вы говорите об одних людях, а думаете о других. Не надо.

– Сейчас ты сделаешь мне большие глаза, как малышу, когда его цапнул пони... Ли очень любит братьев. Очень... Но он не бросится за ними, как за тобой.

– Что-то не так? – Арлетта не заметила, как он встал. И как сама встала, тоже не заметила.

– Так. – Сглотнуть и улыбнуться. Все живы, все *уже* жи-

вы... Уже, не еще! – Этой зимой я и мой старший старший решили стать еще и союзниками. Я могу пригодиться, и я пригожусь, причем немедленно. Росию, мне пришли в голову странные мысли, странные для вас с Ли, но я сидела здесь в обществе Эрнани и мэтра Инголса. Хотя сперва нам придется поговорить о любви.

– Так в чем же дело? Я готов пить и слушать.

– Тогда я буду пить и рассказывать. Если я примусь плакать, ты тактично отвернешься.

– Я займусь гитарой.

– Сейчас я ее вынесу. Бертрам знает, что присылать и когда.

Дорога через четыре комнаты и назад была длинной, как память. После похорон, не сразу, а когда разъехалась соболезная свора, они пили втроем. Пили, говорили, один раз она даже засмеялась, с чего – уже и не вспомнить... Губы еще смеялись, когда из глаз полились слезы. Первые и почти последние. Ли вскочил и тут же сел, стало тихо, только окно царапала ветка.

«Подождите», – велела она и пошла через ставший огромным дом. Гитара спала на кресле в балконной столовой; когда ее взяли, струны тенькнули, будто стон подавили. Потом она шла назад, навеки одинокая женщина с гитарой, спускалась и поднималась по ступеням, к ее ногам испуганной кошкой жалась тень, остро пахло морисскими куреньями, не погребальными и не праздничными. Теми, которыми прово-

жают неприятных гостей.

– Ты помнишь, как я несла гитару? – На такие вопросы всегда отвечают. Подробно, завывая, расписывая свои сострадания. Рокэ молча подал уже готовый бокал и принял кэналлийское диво. Светло и нежно прозвенела задетая струна. Словно узнала...

– Не считай меня Италией, – слез не будет, не будет, и все! – я обосновываю свои выводы. Древние упорно повторяли в затопленных храмах один и тот же сюжет. Лестница и уходящая женщина, в чье лицо не заглянуть. Вы с Ли пошли со мной и видели ее – Оставленную, которой впредь жить одной. Мир не рухнул, остались мальчишки, цветы, чернила, вино... «Змеиная кровь»? Придд?

– Да. *«Забудь о смерти до смерти»?*

– Нет. *«Спой мне, путник, о ветрах далеких».*

Нарастающий струнный ропот, ночь и зима за стеклами, винная звезда в бокале... Рокэ вернулся, Ли тоже вернется.

Глава 4

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

В том, что военная простота лучше светских изысков, Валме в очередной раз убедился, застегивая казавшиеся бесчисленными пуговицы. Черно-зеленый с серебром костюм наследника Валмонов был безупречен, однако перспектива целый вечер бродить среди корыстных разговорчивых людей не радовала совершенно.

– *Я расстался с дворцами,* – бормотал виконт, разглядывая в зеркале роскошного поджарого кавалера, – *и расстался давно,*

Мне по нраву сраженья, козлы и бревно...

В отношении бревна Валме бессовестно врал, но поэзия допускает и не такое, ведь для поэта главное не истина, но чувство!

– Здесь гуляют ханжи и кишат интриганы,
Как же жаль, что в снегах не сыскать пауканов...

– Марсель, – проворковало из-за портьеры, – ты просто

великолепен, разве что несколько удивляет прическа.

– Я перешел на прямые волосы, – отрезал виконт, – и это навсегда!

– Как скажешь, – рассеянно согласился разодетый в пух и прах дядюшка. – Нам пора. Печально, что неопределенность, в которой я бьюсь, затягивается, но придется ждать. У меня нет другого выхода, а рассчитывать я могу лишь на тебя.

– Зачем рассчитывать на меня, когда есть отвращающий Зло регент? – позволил себе удивиться Валме. – Прошу простить, мне предстоит объяснение.

Вопреки опасениям, внушить Котику, что хозяин не сбегает на прогулку, а отбывает по делу в неприятное, но совершенно при этом безопасное место, удалось сразу же. Волкодав, спокойно приняв смягчающий разлуку пряник, улегся на шкуре добытого не им волка и закрыл глаза. Марсель трепанул шикарный зимний загривок и кратко сообщил дядюшке, что готов.

– Ты не представляешь, как я рад твоему присутствию, – от избытка чувств Маркус чихнул. – Я тебе об этом уже говорил, но неопределенность способствует излипаниям, а положение мое остается неопределенным: регент так и не нашел для меня времени.

– Он его ни для кого не нашел, – утешил Валме. – Графиня Савиньяк не в счет, она для души.

– Арлетта нам с супругой, прости мне эту вольность, больше чем родственница, однако она загадочна, как и все Ра-

фиано. Ноймаринен не скрывает, что убеждал графиню поддержать Гогенлоэ и счел, что та согласилась. Пойми, я всю жизнь обходился без высоких должностей, я не искал их...

— Вы искали, — счел своим долгом уточнить Марсель, — галантных приключений.

— И находил, но бедный Фердинанд сделал меня геренцием. Мне пришлось соответствовать, кончилось трагично, хоть и закономерно, я вернулся домой и обнаружил, что со-
седи...

— Дядя, я помню.

— Но понимаешь ли? После визита Савиньяков в Фарну мое положение заметно улучшилось, при этом я не собирался вновь окунаться в политику, и что же?! Алва подтверждает решение Фердинанда. Ноймаринену это не нравится, тем не менее он вызывает меня сюда, однако здесь уже обрета-
ется Гогенлоэ, который считает себя геренцием, ведь желан-
ия бедняги Фердинанда принимали в расчет только пова-
ра. Принять дела я не мог, поскольку меня уведомили, что у меня нет должного опыта. Парадокс! Гогенлоэ сидит в ге-
ренции, а я, будучи геренцием, не вправе туда даже войти.

Дядюшка умолк и теперь с кроткой скорбью взирал на племянника, он ждал ответной реплики, причем сочувствен-
ной. В ситуации, однако, имелась одна тонкость.

О том, что после известий о скором появлении Алвы Мар-
кус прекратил все попытки проникнуть в оплот Гогенлоэ,
виконту разболтал пьяненький Давенпорт. Марсель изяще-

ство хода оценил: умный человек не предоставит захватчику возможности достойно отступить.

– Безобразие, – поддержал хитрого родича Валме. – Но вы слишком рано сложили оружие.

– Ноймаринен совершенно недвусмысленно объяснил мне, что полагает отстранение Гогенлоэ ошибкой, а Арлетта... Арлетта нахваливает прислугу, которую я ей предоставил, и мне никак не понять, что это означает. Буфетчик – это только буфетчик, а камеристки – только камеристки; я не столь глуп, чтобы приставлять к матери Лионеля шпионов. Ты не хочешь возразить?

– Я хочу умилиться. Вы в первый раз в жизни напомнили мне матушку.

– Иными словами, я веду себя как назойливый слезливый дурак? – незамедлительно перешел к покаянию дядюшка. – Ты прав, но как же я устал от этой нелепицы!

– Сегодня вы отдохнете, – заверил Марсель, – и даже сможете потанцевать. Кого вы собираетесь пригласить?

– Все зависит от регента.

– Когда от регента что-то зависит, – поделился опытом Валме, – оно случается. Правда, своеобразно, но Рокэ вообще нетривиален. Лично я посоветовал бы вам графиню Креденьи, она вас не отвергнет, поскольку вы маркиз и очень удачно одеты. Сиреневый бархат вам положительно идет.

– Это будет моим концом!

– Это будет вашим триумфом! – Учить Маркуса проныр-

ливости было смешно, но вечер вообще обещал стать веселым. – Семейство Креденьи, к которому с недавних пор следует относить и рэя Кальперадо с матушкой и сестрой, способно на многое. Поверьте, их суммарная благодарность перевесит вражду поддельного геренция, а Гогенлоэ – поддельный. Дядюшка, утешая вас, я охрип, мне срочно нужен шадди, а вы отослали буфетчика графине Савиньяк.

– Я отослал младшего из братьев, чем остановил внутрисемейное соперничество, которое могло зайти далеко. Шадди сейчас будет, но...

– Вот видите, – перебил виконт, – вы куда лучше Гогенлоэ, который в корне неверно распорядился сестрами, из-за чего оказался в затруднительном положении. И хватит меня подгонять, если Гогенлоэ явится раньше и усядется на ваш стул, хуже будет ему, и только ему.

2

Мать еще одевалась, но Арно никуда не торопился: когда соберется, тогда соберется. Церемония, на которой виконту Сэ за неимением более серьезных Савиньяков предстояло красоваться в родовых цветах, не вдохновляла, зато новый буфетчик оказался истинным кладом.

– Вы из Валмона, – постановил Арно, допивая отличнейший, в пору Бертраму, шадди.

– Господин капитан ошибается, – клад с достоинством по-

клонился, — я служу в Фарнэби, хотя родился в Рафиано.

— Оно и видно, — обрадовался Арно, — север морисский орех не понимает.

— Подать закуски или господин капитан предпочитает горячее?

— Не знаю еще, — «господин капитан» в самом деле не знал. Именно сейчас есть не хотелось, но прием обещал затянуться до вечера, а у дворцовых столов не наешься. Вернее, наестся-то можно, но выглядеть это будет паршиво, да и удовольствия никакого.

— Госпожа графиня выбрала белое мясо с зимними грибами, запеченное под сыром.

— Вот и я выберу, — принял стратегическое решение виконт, и бужетчик с достоинством удалился.

— Постарайся наесться впрок, — немедленно посоветовала мать, как оказалось, все слышавшая. — Когда ешь, не обращаешь внимания на тех, кто жужжит над ухом, а жужжать будут. Потом твои равнодушие примут за вежливость и начнут истолковывать.

— Я и рывкнуть могу, — заверил виконт.

— Рывканье тоже истолкуют. В любом случае старайся понять, что тебе станут говорить, и запоминай собственные ответы.

— Валентин меня уже учил.

— Замечательно, — обрадовалась мать, — передай ему мою благодарность, мне бы не хотелось надоесть тебе еще до при-

ема, а поучающие родительницы умеют просто замечательно надоедать.

– А вот и нет, – прыснул Арно, – это Ли у нас надоедает!

– Значит, я не зря старалась. Пожалуй, не буду учить тебя пользоваться салфеткой и вообще ограничусь единственным наказом. Тебе, о сын мой, лучше держаться подальше от девиц на выданье. Танцев тебе не избежать, но приглашай исключительно замужних и просватанных. Кроме того, не поднимай оброненные платки и тем паче тех, кто, как выражается наследник Бертрама, шмякнется тебе под ноги. Меня как-то не тянет объяснять рвущимся породниться с нами умникам, что галантность не повод для женитьбы.

Отсмеяться помешало белое мясо, которое как раз дошло и ожидало совместного с грибами триумфа.

– В кабинет, – графиня сощурилась на цокавшие в углу часы, – на письменный стол. Прислуживать не надо.

Слуга не удивился, Арно – тоже. Разговор у письменного стола смогла бы подслушать разве что повисшая на карнизе кошка, да и то летом, когда окна открыты.

– Ты что-то хотела мне сказать? – как мог небрежно осведомился виконт, без напоминания бросив на алые фамильные штаны салфетку.

– Я хочу поесть, – мать тоже прикрыла шитые золотом юбки, – но если кому-то приятно думать, что я тебя сейчас наставляю, пусть его... Впрочем, одно дело у меня к тебе есть, прочти-ка письмо Сэц-Пуэна, хотя бы начало.

– Думаешь, наврал? – удивился виконт, принимаясь за восхитительное – дриksam так ни в жизнь не запечь! – жаркое. – Вряд ли, он парень честный.

– Несомненно, но твое мнение мне все равно нужно.

– А! – догадался начальник разведки особого корпуса. – Ты вычитала что-то новенькое про бесноватых?

– То, что я вычитала, пока останется тайной. Герард доволен?

– Еще бы! Он бабку терпеть не может... То есть он такого не говорит, может, даже и не думает, ты же видела, какой он... душевный, но я бы на его месте к такой гримзе и на выстрел не подошел.

– Ты мог оказаться на месте похуже: родители выдавали меня замуж за Фукиано. Маркиза здесь, можешь при желании оценить угрозу, которой столь счастливо избежал.

– Обязательно, – кивнул Арно, – но платок ей не подам, даже если она шмякнется. Мама, как думаешь, будь нашей бабушкой Фукиано, кем бы стал Ли?

– Брюнетом, – рассеянно откликнулась мать, она и прежде иногда замолкала. Старая Мадлен, когда такое видела, принималась шмыгать носом. Арно отвернулся и приналег на ставшее безвкусным мясо. Очень хотелось что-то сказать, и того сильнее – взять за руку, только мать не терпела нежностей. Вообще-то это было прекрасно, но не сейчас...

Мясо кончилось, осталось молчание, а для того, чтобы положить еще, требовалось снять крышку, которая наверняка

бы стукнула. Виконт пошарил глазами по столу, обнаружил письмо Сэц-Пуэна и тихонько ухватил. Через пару страниц стало жаль еще и фок Варзов с племянником, а разбуженная память подсовывала все новые и новые подробности, настырно доводя если не до слез, то до желания швырнуть в стенку чем-то тяжелым. Назло паршивому шару, так и нороящему прикончить или изувечить какого-нибудь симпатягу, которому бы жить да радоваться. Или хотя бы дождаться, когда над Доннервальдом вновь запылится Победитель Дракона...

Очередное змеиное шипенье в гостиной положило конец как непонятно откуда выскочившим мыслям, так и материнской отрешенности.

– Три четверти, – негромко произнесла графиня, – дитя мое, нам пора. Мой плащ на кресле, попробуй явить куртуазность.

– Сейчас, – Арно сдержал телячий порыв, за который через пять минут стало бы стыдно. – Прошу вас, сударыня...

– Нет, это я прошу! – отрезал с порога Алва, и мать поднесла руку к воротнику. – Арлетта, вы выбрали не тот плащ. Удачно, что Валмон озаботился прислать мне фамильные перья, и еще удачней, что я в них. Госпожа графиня, повернитесь.

Она молча повернулась, позволяя закутать свои плечи синим атласом. Вспыхнул сапфир в рукояти кинжала за регентской спиной, словно подмигнул.

– Росио, – окликнула мать, – ты замерзнешь.

– Не успею. Мы пройдем через новую тессорию и Старый Арсенал.

– Да, конечно... Ты же здесь все знаешь.

– Как выражаются некоторые тенъенты, «так получилось». Арно...

– Да. – Как же его сейчас, именно сейчас, называть? Не «монсеньор» же! – Да...

– Спутником графини Савиньяк сегодня буду я.

– Тогда, – виконт поймал материнский взгляд и старательно пошутил, – я буду подбирать платки в мундире.

Фразочка вышла, мягко говоря, корявой, но мать поняла и даже улыбнулась.

3

Первый раз она появилась в синем плаще перед свадьбой Фердинанда, до этого вдовствующей графине Савиньяк удавалось отсиживаться в Сэ. Предел, однако, есть всему. Срок траура, который она не носила, давно истек, а лучшая подруга выдавала замуж дочь. За короля. «Ты не можешь не появиться, – заявил братец Гектор, потрясая монаршим приглашением, – твое место возле трона», и она появилась. Большой праздничный туалет заказал в Алате Бертрам, Арлетта не вмешивалась, но черное платье с алыми, вышитыми золотом кружевами, в Оллории вспоминали долго. Уязв-

ленные щеголихи никогда бы не поверили, что надевшая это диво женщина села в карету, даже не глянув в зеркало.

Ли в мундире капитана королевской охраны встречал гостей на пороге Большой Тронной. Опираясь на руку Алвы, графиня прошла мимо сына к Победителю Дракона, под которым восседал венценосный жених – толстый молодой человек в белых с алой оторочкой одеждах и с поддельным маком в петлице. Ниже, на ступеньках трона, чернела вдовствующая королева и сверкал наперсным знаком довольный Сильвестр. Фердинанд объявил, как он рад, что графиня Савиньяк вернулась ко двору, она спокойно поблагодарила, и король занялся Рокэ. По заведенному еще Октавием обычаю первое приглашение на королевское венчание получает собрано Кэналлоа, и Росио его получил. Потом они отошли, уступив место герцогу и герцогине Ноймаринен. Георгия, даже не взглянув на мать, присела в придворном реверансе перед братом...

– Помнишь?

– Видимо, да, – Рокэ придержал низкую дверцу, за которой начинался полутемный, явно служебный коридор. – Что именно?

– Свадьбу Фердинанда.

– Мы были там вместе, но настроение вам портит другое. Что?

– Я сама. – Глупая шутка, которую честно подхватил Малыш, извернулась и укусила. Больно и не вовремя. – Про-

шное сродни капюшонной змее, нападает, если поблизости кладка. С ним лучше не шутить, особенно в королевские праздники.

– Значит ли это, что прошлое сродни Валмонам? Но если так, оно не станет вам вредить.

Оно и не вредит, просто не ко времени поднимает голову. Сейчас вокруг слишком много настоящего, из которого вполне могут полезть змеи. Не благородные капюшонные, а банальные болотные гадюки, с которыми по обоюдному согласию не разминуться. Сами они послабее, а вреда приносят больше, и ведь никуда от них не деться. Георгия принимает гостей с очевидным удовольствием, а гостей в Старую Придду съехалось изрядно, не сравнить со скромненьким Зимним Изломом! Графиня Савиньяк улыбнулась человеку, на чью руку опиралась.

– Какое счастье, что сегодняшнюю свору принимать не мне.

– И это самое мелкое из доступных вам счастья, – подбодрил Росио. – Кстати, сейчас нам дадут понять, что счастье проистекает от одного нашего вида.

– Лицемерно.

– Наполовину. Рудольф меня любит.

– А Георгия не любит меня. Ты не думал жениться на Фриде и отправить ее в Алвасете? Матерям, знаешь ли, свойственно жертвовать ради детей всеми, кто подвернется под руку.

– Изящное предупреждение, но отнюдь не первое.

– Катарина не была изящна?

– Была.

Впереди было еще тихо, мечущиеся по мрачноватым, хоть и ярко освещенным залам слуги и порученцы торопливо кланялись, некоторых Алва замечал.

– Ты еще не видел епископа Доннервальдского? – полюбопытствовала графиня возле постамента стерегущего Старый Арсенал рыцаря.

– Я о нем слышал, он рискует.

– В самом деле?

– Увы, Арлетта, моя репутация требует крови. Что вам не нравится, кроме лицемерия?

– Не сегодня.

– Позже не выйдет, утром я еду к Ли. Не пугайтесь, это он мне нужен, а не я ему.

– Тогда этой ночью. Ты прочел мои находки?

– Лишь светоча вольной мысли. Надо бы отыскать его приемного отца.

– Ты поверил в благородство происхождения?

– Зачем? Меня занимают благоприобретенные красоты.

– А меня – любовь, но поговорить о ней ты мне не дал.

– Разве гитара сказала не всё?

– Гитара заставила меня замолчать... Вчера я позволила себе пить вино и слушать, но вывалить на тебя свои догадки я обязана. Здесь не выйдет, мне придется много говорить, и

это будет больно. Мне больно, и я не хочу, чтобы меня видели... блохи.

– Мы сбежим при первой возможности. – Рокэ постороился, пропуская даму вперед. Отнорок, сперва показавшийся нишей, выводил на лестницу. Дальше дорога была знакомой – хромой Хьюго водил ею графиню Савиньяк к теперь уже бывшему регенту.

Вскочили принарядившиеся по случаю празднества адъютанты, глухо стукнул отодвигаемый стул. Алва быстро поднес палец к губам, и стражи замерли у странно пустых рабочих столов. Прежде кабинетная дверь издавала уютный скрип, сейчас с ней что-то сделали, а может, Рокэ знал какой-то секрет, но чету Ноймаринен они застали врасплох. Рудольф и Георгия стояли друг против друга в дальнем конце комнаты, на ссору это не походило, но и за руки супруги не держались.

– Добрый вечер, – обрадовал с порога Алва, увлекая спутницу навстречу подводным камням и прячущим пиявок корягам, – я слегка поменял диспозицию.

– А когда ты поступал иначе? – Лица Рудольфа графиня разглядеть пока не могла, хотя кабинет был освещен куда ярче обычного. Тон, однако, был самым благодушным. – К тому же теперь регент ты.

– Омерзительно! – Рокэ на ходу поморщился. – А где бóльшая часть августейшего семейства?

– Там, куда ты решил не заходить, – Ноймаринен потер

спину. – В гостиной, которую пришлось сделать гербовой. Не споткнитесь, кстати, я с этой холтийской дрянью чудом печку не поцеловал.

– Ковры и гобелены полны коварства, – согласился Рокэ, оглядывая принесенные из Старого Арсенала регалии, – но царственности они прибавляют. Сударыня, смотрите под ноги.

– Поздно.

Только что расстеленное холтийское сокровище уперлось в две улыбки и кончилось возле ног герцогини. Георгия поправила выпущенный из высокой прически локон.

– Арлина, – пропела она, – я тебе буду завидовать до конца приема, ведь после Кальтарина ты сможешь просто веселиться. Должна вам сказать, Рокэ, что я очень... очень рада вас видеть, хотя мне следовало бы разыграть ревность и обиду. Променять *мой* обед на этот ужасный шадди!

– Сударыня, во всем виноват ваш супруг, приучивший адъютантов подавать отличные закуски. Когда мы закончили разговор, я от обеда мог лишь бежать.

– Вечером я объясню Рудольфу, что порой он бывает не прав. – Георгия протянула руку, которую Рокэ и поцеловал со своим всегдашним шиком. – Господин Первый маршал, я безмерно благодарна вам за Эрвина, но не поторопились ли вы?

– Я не поторопился даже с Приддом.

– Зато поторопилась я. С вами. Арлина, милая, ведь ты

рассказала?

– О чем? – Глаза пошире, хотя по-хорошему надо бы со-
судриться. – Соберано женская болтовня не занимает.

– Пока она не стала изменой. Не хочу лгать, я не вери-
ла, что вы живы. Меня оправдывает лишь то, что фок Вар-
зов проигрывал войну. Место Кэналлийского Ворона было
здесь.

– Почему? – Алва распахивать глаза тоже умел. – Север-
ную Марагону приятней брать, когда зацветает кипрей. Что
до возни с губернаторами, то Рудольф это всяко делает луч-
ше меня.

– Ты меня удивил, – вмешался Ноймаринен. – С Мараго-
ной, не с губернаторами.

– Я и дриков удивлю, – рассеянно заверил Алва. – Летом.
С вашего разрешения, я утром уеду.

– Вернее, сбежишь, – герцог с трудом сдерживал улыбку,
сразу отеческую и унарскую. – Ладно, сбега́й, прикрою.

– Но не задерживайтесь. – Георгия вновь поправила воло-
сы; она была нежна, она к чему-то готовилась.

Глава 5
Талиг. Старая Придда
Западная Придда. Бриско
1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

В вестибюле Валме присвистнул, что полностью соответствовало как столь любимому виконтом адуанскому стилю, так и удивлению.

– Марсель, – простонал Фарнэби, – Марсель...

– Я от восторга, – шепнул наследник Валмонов, оглядывая скрывшие каменный пол ковры и молодых в блистающих кирасах. – Не прошло и двух Кругов, как в Старой Придде завелся король, что доказывает тезис о правомочности Ожидания, хотя сейчас нам придется главным образом чтить.

Дядюшка не ответил – делал вид, что взволнован, тетушка тоже промолчала. Маркиза говорила лишь тогда, когда это было действительно нужно, и была любовницей собственного духовника. С полного согласия дядюшки.

Чета Фарнэби медленно и торжественно повернулась, позволяя дежурным лакеям освободить себя от верхних одежд. Марсель обошелся собственными силами, бросив скромный

офицерский плащ подскочившему слуге, которого немедленно заслонил дворцовый пристав с черно-белым жезлом.

— Господин Валме, — возвестил он, — прошу вас следовать за мной.

— До Багерлее пешком далековато, — протянул виконт, расправляя манжеты, — и вообще я требую приказ об аресте за подписью регента!

— Сударь, — опешивший жезлоносец выглядел презабавно, — как можно?! Вам, как наследнику и представителю Проэмперадора Юга и члена регентского совета графа Валмона, отведено место, достойное заслуг вашего славного рода.

— А какое место отведено маркизу и маркизе Фарнэби? — не унимался Марсель. — Дядюшка, не скромничайте, ваши заслуги вопиют.

— Маркиз Фарнэби, — начал пристав, — должен...

— Дядюшка, кому и сколько вы задолжали? Я сейчас при деньгах и...

— Марсель, — на сей раз в голосе Маркуса прорезалась достойная самого Лисенка гордая скорбь, — мы проследуем на то место, которое мне сочли нужным отвести хозяева.

— Как вам угодно, — не стал портить чужую игру Валме, — тогда и я проследую. Вперед!

— Благодарю, господин виконт, — дворцовый болван с явным облегчением развернулся и, подняв свой жезл, двинулся сквозь негустую толпу. Господин виконт, которому все от-

четливей не хватало Жакны, честно потопал за провожатым к парадной лестнице, кою сторожили здоровенные лбы, на-
тасканные на сдвоенный стук жезлом об пол.

Пристав пустил в ход свое орудие, лбы дернулись и рас-
ступились, они явно заслуживали лакомства, но Марсель по-
добного поворота не предусмотрел и вышел без сахара и пря-
ников. Ошибка оказалась отнюдь не единственной. Виконт
ожидал уютной, почти домашней церемонии с провинциаль-
ными танцами и глинтвейном, а Ноймаринены размахнулись
по-столичному, чтобы не сказать – по Та-Раканьи.

Сапоги виконта попирали новенькие ковры, слишком до-
рогие для пережившего уйму безобразий королевства, а
язык так и норовил предаться греху стихоплетства. Марсель
непрощеное вдохновение гнал, расталкивая в себе впавшие
в спячку посла. По прикидкам Маркуса, в Старую При-
дду съехалось до двух сотен верных подданных, большин-
ство из которых прихватило семейства. По меркам Талига не
столь уж и много, но если засвидетельствовавшие свою вер-
ность получают пряники, следующее торжество соберет раз в
пять больше. Влюбленный Давенпорт и тревожный дядюш-
ка сходились на том, что душой празднеств была выказав-
шая недюжинную прыть герцогиня, так что раздача пряни-
ков обещала стать весьма занимательной. Дать каждому по
способностям, удержав при этом взаимную грызню в разум-
ных пределах, могут немногие. То, что Ноймаринены владе-
ют этим искусством, представлялось сомнительным, а наг-

лость, с которой Алва увиливал от всего невоенного, наводила на подозрения, пока смутные, но уже волнующие.

Лестница кончалась. Последний пролет упирался в площадку, украшенную большим мутным зеркалом; зеркало отражало стайку поднимавшихся вслед за виконтом голубых и салатовых девиц, к которым затесалась ядовито-розовая. Кто их вел, разглядеть не получалось, однако сочетание цветов указывало на Гогенлоэ.

– Направо, сударь, – обрадовал пристав, хотя другой дороги просто не было. Приглашенные неспешно поднимались на второй этаж, проходили парадной анфиладой и под назойливый стук жезлов занимали отведенные им места. Пристроив очередного гостя, приставы переходили в северную, переделанную под присутствие часть дворца и спускались чиновничьей лестницей в вестибюль за новыми подопечными.

– Ваше место в Тронной у правой от возвышения стены, – пустился в объяснения проводник, – оно обозначено креслом с гербом Валмонов, на котором лежит ваш церемониальный плащ, но на церемонии сидят лишь некоторые дамы. Если угодно, я могу объяснить...

– Угодно, – дозволил растолкавший-таки графа Ченизу виконт и узнал, что кресла с гербами положены фамилиям, имеющим особые заслуги перед короной, но сесть смогут лишь жены, вдовы и матери глав семейств, и лишь после того, как его величество предложит это своим спутницам. Мужьям и сыновьям следует набросить церемониальные плащи

на плечи севшим дамам и встать у кресел, возложив левую руку на спинку. В случае отсутствия дамы плащ остается на месте, но стоять, возложив, все равно придется. Клириков и действующих членов регентского совета устроят на особых скамьях у левой стены; девицам и не слишком почтенным дамам предстоит подпирать правую стену смыкающегося с Тронной зала, а не страдающим от ран и недугов кавалерам, не являющимся при этом главами фамилий или же полномочными представителями оных – левую.

Валме едва не осведомился, куда отправили бы излечившегося папеньку, окажись тот в Старой Придде. Проэмперадору и члену регентского совета следовало сидеть на обитой белой замшей скамье, а графу и главе достойнейшей фамилии – стоять у кресла. Старый греховодник наверняка бы предпочел скамью, но тогда ему бы пришлось смотреть на оказавшуюся напротив супругу, которая наверняка бы принялась рыдать. Шириной временный тронный зальчик не вышел, так что слезы папенька уж точно бы разглядел, после чего захотел бы если не сбежать, то убить. Того же Дарзье, мимо которого как раз проводили Валме.

Наследник Дораков предпочел уставиться в потолок, а стоящая у противоположной стены барышня в белом с золотом улыбнулась и тут же благовоспитанно потупила глазки. Сама по себе она была безвредна, но настроение испортила. Бедняга Мевен не для того разорвал помолвку с Леони Дорак, чтобы его сожрали, пусть и ради благого дела! И что б

было не объяснить замыслившей подлечить папеньку змею-ке, кого трогать нельзя ни в коем случае, а кто ни на что другое не годится?

«Слушайте! – потребовали угнездившиеся на балкончике под потолком фанфары. – Слушайте и ликуйте!»

Леони торопливо поправила золотую оборку, а восседавший впереди наискосок худющий клирик – золотой же наперсный знак. Вышло, как в свихнувшемся зеркале.

– Поспешите, – отчаянно прошептал пристав, Валме поварастильски огрел олуха по спине и в несколько прыжков оказался у разукрашенного борзыми кресла.

«Ликуйте!» – вновь потребовала верноподданная медь, и двери бывшей приемной Рудольфа торжественно распахнулись, выпустив дюжину ноймарских кирасир. Двое верзил сразу замерли по обе стороны выхода, остальные с обнаженными палашами встали вдоль стен. По сравнению со зверенесущими гимнетами они выглядели очень прилично, почти как волкодавы.

Следующим выкатился незнакомый церемониймейстер, одаренный двойной порцией щек. Обойдя трон справа, он встал точнехонько под сверкающей люстрой, которой и пригрозил белым, увенчанным короной жезлом. Успевшие стянуться в Тронную дворцовые приставы согласно грохнули об пол своими палками.

– Его величество Карл! – рев церемониймейстера на мгновение спотыкался об очередной стук и несея дальше. – Ее

высочество Октавия! Его высочество Рокэ! Его высочество Рудольф!...

2

На краю брошенного поверх ковра алого плаща Робер, как и было велено, пропустил спутницу вперед. Дочь Катарии чувствовала себя заметно уверенней Проэмперадора Олларии, но сбежать уже не выходило, и Эпинэ двинулся за крупной светловолосой девочкой... принцессой к высокому креслу. Гремела музыка, впереди и внизу мельтешили разряженные люди, и казалось, что за стенами нет ни зимы, ни войны, хотя большая война и впрямь заглохла.

Взвыли и заткнулись фанфары, что-то гаркнул седовласый толстяк с жезлом, ему ответил слитный, почти военный выкрик. Краем глаза Робер заметил, как из-за синего регентского плеча высунулось что-то белое и почти сразу пропало. Повторный вопль объяснил: всё в порядке, это сел король.

— Его величество просит сесть свою возлюбленную сестру, — церемониймейстер орал четко и внятно, — и позволяет всем, кому дарована сия привилегия, ею воспользоваться.

Принцесса сделала брату реверанс и заняла свое место. Эпинэ дождался, пока Октавия положит руки на подлокотники, поклонился и встал справа. Отсюда можно было разглядеть не только короля, но и Алву. Регент был один: Арлетту к креслу отвел Рудольф, поручив Георгию заботам Ариго.

Младшие Ноймаринены до времени оставались сзади: одинокая Урфрида, молоденькая Гизелла и строгий Людвиг с черноглазой Леоной. Стань королевой она, Катари бы выжила и, возможно, нашла бы счастье, а Манрик с Колиньяром получили по лапам куда раньше! И уж точно у Талига был бы сейчас другой король. Фердинанд ли, его сын, но не этот белоголовый малыш.

Октавия чуть заметно завозилась, устраиваясь в своем кресле. Хорошо, что она походит на мать лишь светлыми косами, в которых алеют ленты, пусть у нее будет другая судьба... Со спокойной счастливой любовью.

Очередной стук, позабытые за без малого десять лет звуки гимна, темень и зима за окнами, но день растет всё заметней. В бывшем Агарисе уже что-нибудь бы цвело, а может, и сейчас цветет, на пожарище... Мориски с мимозами не воюют.

Плавные, полные былого величия звуки, множество чужих людей, несколько близких, таких, за которых тысячу раз умрешь, и память. О юности, глупости, бегстве и возвращении уже навсегда. Не важно, какой он, этот Карл Оллар, твое место здесь, а счастье... Может, и оно случится, Рокэ редко ошибается.

Белокурый мальчик встает с трона и делает шаг к подданным. Черный плащик оторочен белым седоземельским мехом, на голове золотая корона без камней, несовершеннолетний Фердинанд до коронации носил такую же.

– Наши любезные подданные, – четко и громко произно-

сит сын Катари, — мы рады вас видеть и благодарим за проявленную в тяжкую годину верность. Обрушившиеся на Талиг несчастья лишь сплотили верных сынов отечества вокруг...

Сестра предлагала прочесть наизусть любой сонет Венне-на, она заслуженно гордилась своей памятью, и в этом Карл удался в мать. Произнося взрослую речь, шестилетний король ни разу не сбился, отчего его стало жаль до невозможности. Робер честно вслушивался в серьезный голосок, но смысл ускользал, вернее, смысла почти не было. Его величество успокаивал, пугал, обещал, требовал, выражал уверенность, сомневался, благодарил, упрекал, а Иноходец непонятно с чего вспомнил первый в своей жизни отчет о лошадином ремонте. Потом он к бумагам привык, но ощущение тоскливой оторопи от превращения коней, которых он только что кормил яблоками, в нечто вроде бы и существующее, но при этом никакое, понятное лишь интендантам и писарям, осталось. С людьми, живыми людьми, говорят не так, даже когда врут, как врал Альдо, или бесятся, как бесился дед. Мальчик был слишком мал и не видел ни сражений, ни измен, ни верности, но те, кто его натаскивал? Вот! Именно натаскивал! Как Коко своих морискилл — долго, старательно, с удовольствием... Они с Алвой и Салиганом бродили по загаженной Оллари, а в Старой Придде, то есть в Ноймаре, маленький король уже всю бубнил чужие слова. И когда в призрачном городе собиралась гроза, и когда на солнце вспыхивали алатские клинки, и когда Ариго закусил губу у

гроба фок Варзов...

Многосмертный барон творил для удравших; здесь же сочинили речь для вернувшихся к корыту и заставили ребенка ее затвердить. Будь на то воля Робера, он бы прервал это всеобщее унижение, но главным был Алва, а он молчал. Почему?! По словам Эрвина, Рокэ исполнял приказы Фердинанда, чтобы все знали: в Талиге решает король, но Карл начнет править лет через пятнадцать, не раньше, так зачем эта комедия? Ради кого?! Стоило прорубаться сквозь полк к эшафоту и задыхаться в Багерлее, чтобы опять...

— ...воздать по заслугам нашим верным воинам... исполняющим свой... и Талигом...

3

Втянувшийся в наземные дела Вальдес проэмперадорствовал с размахом и, кажется, с удовольствием. Альмиранте наводил страх на чиновников, волновал женщин и, как мог, смущал умы. Не выдавшая прежде ничего подобного провинция бурлила и пузырилась, а разъяренный Заль тряс ушами и всю барабанил, то есть рассылал рескрипты с требованиями не подчиняться незаконным приказам и давать самозванцу всяческий отпор. Отпора не давали, и заячий генерал, отгуляв праздники, прыгнул; для начала — не слишком далеко. Истосковавшийся Вальдес шарахнулся в сторону, ворвался в Бриско, где вздернул заячьего коменданта и

признавшее одного властью городское начальство, после чего турнул к Залю его же собственных фуражиров, разумеется, без фуража и даже без телег. После этого заяц, как и ожидалось, двинул на обнаглевшего адмирала чуть ли не все свои силы, а Ли взгрустнул о сгинувшем плане, который, теперь это стало ясно, должен был сработать.

Савиньяк предпочел бы прогнившую армию утопить, но мало ли что он предпочитал, спасибо, хоть у Салигана шло как по писаному. Объявившийся позавчера Джанис подтвердил, что делегация дуксии вот-вот будет у Заля, и Жан-Поль Салиг лично ручается как за наживку, так и за крепость лески. На прощание пока обходящийся без подданных король висельников положил на стол записку без подписи, украшенную разухабистыми данарскими воробьями: аноним в присущем некоему маркизу стиле сулил свалиться некоторым на голову в самом недалеком будущем.

В свободном дуксе Лионель не сомневался, в своем корпусе – тем более, но повод для раздражения все же имелся. Гюстав Шарли с новонабранными «воронами», которым следовало окончательно уверить кадельцев в подходе Северной армии, словно сгинул. Отписался о выступлении – и как корова языком, хотя должен был подойти уже неделю назад, даже проделав всю дорогу из Эпинэ медленной рысью и шагом.

Загулявшего барона искали и парни Рединга, и драгуны показавшего себя отличным – хоть сейчас в «фульгаты» –

разведчиком Бертольда. Без толку: «нет», «не видели», «такое бы заметили». Что ж, если в ближайшие дни «воронные» не обнаружатся, обойдемся без них. «Маршалу Лэкдеми» придется предъявить себя ойленфуртцам и спросить, намерены ли они расквитаться за своего полковника или предпочитают быть расстрелянными вместе с Залем.

– Умеешь ты скучать, – фыркнул пробудившийся от дневного сна Вальдес. – В том смысле, что сидеть, как кот у норы. А еще олень!

– На первый взгляд.

– А что не так с оленем? – Альмиранте оглядел комнату, как оказалось, в поисках мундира, с достоинством лежавшего на столе. – Странно, что чернила не разлились...

– Они сделали это вчера, а олень, похоже, родился конем. Когда короли и художники в угоду Агарису принялись отрекаться от чего можно и нельзя, моим предкам пришлось в голову, что из астраповой молнии, если подобрать подходящий ракурс, выйдут олени рога.

– Я так и знал, – обрадовался Ротгер, – что ангелов клирики из наших «девочек» налепили! Кстати, об ангелочках и верноподданстве, в детстве я думал, что не верноподданный, а верный подданный, а ты?

– Вроде нет, но игра слов изящная.

– Ты всегда был сомнительным, – объявил Вальдес, застегивая многочисленные пуговицы. – Мы все сомнительные, беда, что несомненные с первым залпом куда-то расточают-

ся, вот были, виляли хвостами, а вот уже и нет... У дриков тоже так, только у них еще и Кальдмеер уверовал. Тебе «кровь»?

– Я сегодня пить не собирался.

– А придется, говорю тебе, как Проэмперадор Проэмперадору. В честь дня рождения его величества, и не ври, что ты забыл вертел Арамоны!

– Так вот почему ты с ангелочков к верноподданству прыгнул?

– Я? – Вальдес к единожды брякнутому возвращался не любил, а сегодня к тому же пребывал в смутном расположении духа. – Идет кто-то.

На всякий случай Ли отошел к окну, за которым угасал короткий серенький день. Разумеется, он помнил. И вертел Арамоны, и хныкающего принца, и то, как Фридрих Манрик требовал у дворцового врача дать Карлу успокоительное, дабы представление прошло должным образом. Лекарь – где он сейчас, кстати? – не то чтобы отказывался, но хотел получить четкий приказ если не от Сильвестра, то хотя бы от старшего Манрика, наследника ему было мало.

– Августейшая чета, – громко доложил вице-церемониймейстер, – следует в Триумфальный зал. Оркестр готов, все приглашенные в сборе. Остается три минуты.

– Господин Савиньяк, вы готовы принять его высочество? – задал глупый, но положенный вопрос Фридрих и, не дожидаясь ответа, протянул руки к принцу. Разряженный

в белое Карл часто заморгал и не то пискнул, не то тявкнул, еще крепче прижавшись к необъятной в своем парадном платье няньке.

— Мэтр! — Лицо наследника Манриков пошло красными пятнами. — Приказываю... Дайте ему что-то, иначе... Если он разревется, я отправлю вас в Багерлее!

— Я... Господин Савиньяк, вы слышите? Я подчинюсь, но вы подтвердите... подтвердите, что мне было приказано...

— Нет. — В другом месте Ли бы сказал «не подтверждаю», но дворец все же не балаган, хоть порой и похож. — Господа, церемония представления наследника раз и навсегда прописана Франциском Первым, и успокоительное для ее участников, любых, в ней не предусмотрено. Прошу простить, фанфары.

Это было не риском, всего лишь хорошо, хоть и быстро обдуманной резкостью. Ставший вовсе малиновым церемониймейстер с ответом промешкал, а Савиньяк отцепил от няньки тяжеленького принца и под нарастающий трубный рев понес в Триумфальный зал. Как ни странно, его высочество не заплакал, очень может быть, что от неожиданности.

4

Спать Жермон захотел сразу после начала королевской речи. Малыш говорил громко, время от времени заученно

взмахивая рукой: так читают стихи о травке, солнышке и прочих ласточках. Ариго пытался вслушиваться, но голову словно бы заливало изнутри чем-то теплым и сладковатым. Оставалось прикусить щеку, что новоявленный маршал и проделал, но оголодавшие сплющцы отставать не желали. Из последних сил сдерживая зевоту, Ариго уставился на внемлющих монарху подданных. Без толку. Разноцветные, сливающиеся в какой-то хвост фигуры не вызывали никаких чувств, вот лет двадцать назад зрелище наверняка бы вызвало у изгнанника злость, а когда злишься, не уснешь. Когда злишься, радуешься, волнуешься, размышляешь, когда мерзнешь и хочешь жрать, в конце концов! Увы, Жермон был сыт и при этом спокоен, как еловый пенёк, похоже, все оставшиеся после Кабаньего Лога чувства ушли на ночные посиделки с Людвигом. Старая дружба успешно пережила Излом, Ойгена, женитьбу и новую перевязь, настолько пережила, что друзья не заметили, как досидели до жиденского зимнего рассвета.

Ариго скосил глаз на страдавшего по ту сторону трона Людвига, тот вроде бы держался, но разобиженные сплющцы наверняка донимали и его, а король продолжал старательно пицать. Маршал тоже старался: тарасился на развешанные по стенам трофеи, сжимал и разжимал пальцы ног, прихватывал зубами то щеку, то язык, но сонные волны становились все выше, не помогло даже мысленное письмо Ирэне. Или помогло, потому что Ариго увидел серебряный от инея сад.

На снегу синели узкие женские следы, тростники тоже стали серебряными и теперь не шуршали, а звенели. Тоненько и длинно, как алатский хрусталь, не идти на этот звон было нельзя, Жермон и пошел. К озеру, давшему свободу Ирэне, к спящему в глубине кольцу Савиньяка...

– Создатель, – рывкнул взлетевший к небу селезень, – храни Талиг и короля Карла!

Ариго тряхнул головой и уставился на воздвигшегося у подножия трона ликтора с раскрытой книжищей.

– В ознаменование великой и сообразной радости, – ревел тот, – коя в день рождения нашего доброго короля Карла охватывает сердца истинных талигойцев, и во имя справедливости, коя требует отдать должное преданности, разуму и умению...

Сплюшцы бросились врассыпную, последний, самый нахальный, удирая, успел сунуть хвост в маршальскую ноздрю. Удержаться и не чихнуть было непросто, но торжества Ариго все-таки не испортил.

Глава 6

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

Занудство шло к концу, в подтверждение чего сверху красноречиво пиликнуло – музыканты готовились, пора было подумать о даме. Если, конечно, Рокэ так и останется с матерью, хотя почему бы ему не остаться? Мать не станет ни кланчить, ни заигрывать, за нее можно отлично спрятаться. Прячущийся Ворон... Подобное возможно лишь в процветающем королевстве!

Гася ухмылку, Арно уставился на млеющий по ту сторону зала цветничок. Негаданное освобождение от сыновних обязанностей порождало сложность, пусть и забавную. Висконт помнил, что, покончив с болтовней, августейше-регентская компания танцует кальтарин, к которому по ходу дела примыкают приглашенные, начиная с ближайших к трону, причем пар будет ровно столько, сколько наберется дам. Не участвовать нельзя, разве что поблизости не останется ни одной свободной каракатицы. Дамы, в свою очередь, не могут отказать ухватившим их кавалерам, но последнее капитана

Савиньяка волновало мало. Ничего против того, чтоб прогуляться под музыку среди трофеев, он не имел, оставалось решить, с кем.

Веселее всего было бы ухватить тетку Анну, но вокруг нее вертелся кузен, который наверняка бы счел приглашение поводом для общения, а подавать трусу руку не тянуло. Замужняя кузина тоже не вдохновляла, а девиц на выданье Арно обещал не полошить. Виконт честно пробежался глазами по личикам, лицам и рожам, уперся взглядом в старуху Фукиано, подавил искушение перезарázить Валентина, и тут на балконе взревело, а приставы грохнули своими жезлами.

– Его величество Карл Четвертый Оллар, – мордатый церемониймейстер явно чувствовал королем себя, – исполняя замысел своего несчастного отца, объявляет об учреждении ордена Белой Гвоздики, кавалерами коего становятся безупречные в своем служении и верности военные из числа дворян, чья личная доблесть...

Дамы, воспользовавшись негаданной отсрочкой, украдкой поправляли локоны и кружева, мордатый вещал, Арно лениво перебирал замужних и вдов, пока не вспомнил о семействе Хейл. Сестрички полковника Бэзила на женихов вряд ли бросались, так что все отлично устраивалось! Сперва, правда, следовало проскочить маркиз и графинь, и чем скорей, тем лучше. Виконт, крадучись, отступил к самой стене, намереваясь шмыгнуть в примыкающую к Тронной залу. Не успел – раздался очередной рев.

– Виконт Арно Сэ, младший брат графа Савиньяка, его величество ждет вас!

То, что он не ослышался, подтвердили взгляды оказавшихся поблизости гостей и распорядителей. С трудом представляя, чего от него хотят, виконт продефилировал мимо Лучших Людей, поднялся к трону и преклонил колено.

– Ваше величество, – доложил он хмурому малышу, – я в вашем распоряжении.

– Встаньте, – уныло и заученно потребовало величество, – друг мой.

– Слушаюсь, – подтвердил Савиньяк и поднялся. О таком его не предупреждали, Рокэ молчал, а вертеть головой было неприлично.

– Мы награждаем вас, – все так же уныло сообщил король, – Гвоз... орденом Белой Гвоздики в ознаменование вашей верности и доблести. Вы будете первым и проторите стезю новой славе. Мы возлагаем на вас большие надежды.

Благодарить за награды и перевязи, пусть и не королей, Арно доводилось, но хмурая мордашка, донельзя глупые слова и молчание регента внезапно взбесили. Арно вновь плюхнулся на колено, вскинул голову и отчеканил:

– Ваше величество, я недостоин быть первым из надевших белую – а белую ли? – ленту! Есть люди, у которых заслуг много больше, чем у меня, умоляю избрать одного из них.

– Кого? – король очнулся и захлопал длинными ресницами. – Кто? Тет...

– Генерал фок Дахе, – почти крикнул виконт, не давая Карлу воззвать к тетке. – Фок Дахе всю жизнь служил Талигу и его королю, бескорыстно, без всяких наград. Он потерял... почти всю семью, вернулся в армию, дрался рядом с маршалом фок Варзов в его последней битве, а потом пожертвовал собой, чтобы... сражение пошло по плану маршала Лэкдеми. Фок Дахе уцелел чудом, он снова будет служить, не думая об орденах и деньгах, но если таких не награждать, мы опять нарвемся!

– В этом есть смысл, ваше величество, – подал голос Ноймаринен.

– Да? – король опять моргнул. – Я... Мы согласны. Орденом Белой Гвоздики в ознаменование вашей верности и доблести...

– Будет награжден генерал фок Дахе, – закончил невидимый Ноймаринен, – но капитан Савиньяк тем более достоин награды.

– Мы согласны, – повторил король. – А чего ему надо?

– Пусть виконт выберет сам, – а это уже Рокэ, вечно он...

– Давай... Виконт, мы слушаем.

– Ваше величество... – Что же ему такого... Ага! – Прошу вас... отдать высочайший приказ Академии! После сражения лучшим разведчиком нашей армии, – именно лучшим, а Уилер может хоть на голову встать! – капралом Кроунером был пойман гигантский жук, возможно, доселе неизвестный...

- Жук?! – глазища Карла стали внимательными и круглыми. – Большой?
- Очень, ваше величество.
- Какой? – король растопырил пальцы. – Такой?
- С мою ладонь, – для пущей убедительности Арно показал. – И с очень длинными усами!
- А... Можно посмотреть?
- Конечно, ваше величество. Жук находится в моих вьюках.
- Ваше величество, – в голосе Ноймаринена угадывался смех, – если вы назначите виконту аудиенцию, то все увидите сами.
- Мы назначаем аудиенцию, – король улыбнулся во весь рот, и Арно увидел, что у него не хватает верхнего резца. – Завтра. С жуком!
- Благодарю, ваше величество, – Арно вскочил и оказался лицом к лицу с принцессой, яростно выдирающей из косы ленту.
- Капитан, – выпалила она, – мы выбираем вас... нашим рыцарем... это вам! Мы дарим вам свое расположение.
- Благодарю, ваше высочество. – Выпутанная лента была слегка мятой, наверняка ее нужно было поцеловать, и Арно поцеловал, после чего по наитию наскоро привязал к эфесу.

Отличившееся детище скромно стало за креслом Октавии, сменив улизнувшего под шумок Ро, и наверняка подмигнуло ожившему королю, иначе с чего бы тот разулыбался? Улыбки шли обоим – и брату, и не терявшей времени зря сестрице. Глядя на белокурых Олларов, заподозрить Рокэ в отцовстве было трудно, вот Ли... Догадайся кто пустить *такую* сплетню, могло со временем стать весело. Несмотря на черные глаза.

Октавия быстро тронула присвоенного кавалера за руку и принялась что-то шепотом объяснять, Георгия покачала головой, ее руки спокойно лежали на подлокотниках, но что-то негромко щелкнуло. Похоже, для Карла это было сигналом.

– Мы, – вновь поскучевшим голосом забубнил тот, – повелеваем огласить...

Кресло графини Савиньяк было слишком далеко, чтобы разглядеть лица расставленных и рассаженных вдоль стен гостей, но словно бы пробежавшая по пестрым рядам рябь очень напоминала переминание с ноги на ногу – верные подданные явно начинали уставать, и немудрено. При первом Франциске в церкви сидели, перед королем стояли, но сами церемонии были короткими. Франциск Второй дозволил сидеть свите жены – всей! – но раздул прежде необременительные королевские выходы до дриксенских размеров. Алиса во

время своего регентства прибавила новых красот, главной из которых стало воскрешение кальтарина. Когда регентшу отстранили, всеобщее стояние вернули, однако урезывать алисианские выдумки с прохождениями и речами не стали. В итоге дворцовые торжества, по крайней мере в начальной части, превратились в почетную пытку, которую немало усугубляли придворные одеяния. Георгия, надо отдать ей должное, положение частично исправила, расставив для наиболее благородных дам кресла. На мужей то ли не хватило достойной августейшей резиденции мебели, то ли в герцогиню слишком въелись материнские понятия о рыцарственности.

— ...и да станет так с сего мига и впредь!

Ликтор, закончив с оглашением того, что все и так уже знали, попятился, освобождая место церемониймейстеру и его палочникам. Теперь или конец, или, если Георгия истинная дочь своей матери, сюрприз.

Украшенный короной жезл отсалютовал люстре, в ответ взвизгнула труба, словно кошка отругнулась. Георгия возрождает двор, причем на свой лад, а Рудольф ей не мешает, хотя сам вряд ли в восторге. Не хочет дразнить курятник? Не считает важным — или, что гораздо хуже, согласен с женой?

На хорах затихло. Арлетта повела затекающими плечами, ожидая столь любимого Алисой разноцветного бумажного дождя, и не угадала. Застоявшиеся подданные опять зашевелились, и вновь зря. Герцогиня поднесла руку к диадеме, и Октавию прямо-таки сдуло с кресла.

– Мой брат и король, – принцесса сделала взрослый реверанс, – разрешите ли вы высокородным дамам представить мне находящихся под их покровительством девиц, кои, если на то будет ваша монаршая воля, станут моими милыми подругами?

– Прошу вас, любезная сестра, – послушно оттарабанил Карл и завожился на троне; он знал, что вставать не скоро, вот и устраивался поудобней, а внизу началось неподдельное оживление. Сюрприз удался и был очень, очень неглуп. Девицам нужно искать любовь или хотя бы женихов, родителям – скреплять союзы, властям – прикармливать подданных, а королевы нет, даже вдовствующей. Регент упорно холост, Георгия Оллар – всего лишь супруга герцога Ноймаринен, но у малолетнего короля есть сестры! И пусть Октавия не выросла из детских платьиц, а Анжелика только-только выучилась говорить, они принцессы, а принцессам нужен свой двор.

– Друг мой, – Октавия уже совала в руки Арно перевязанный алой лентой свиток, – окажите мне услугу.

Кровь экстерриоров не подвела! Малыш не принялся ничего разворачивать и зачитывать, а, почти спорхнув с возвышения, вручил ликтору будущие свадьбы и склоки, после чего вернулся к принцессе. Если сам догадался, у Придда лет через пятнадцать будет не только друг Савиньяк, но и союзник Рафиано.

– Известные как своим высоким положением, так и своим благочестием, добродетелью и преданностью дому Олларов дамы, – завел ликтор под уже привычный деревянный стук, – счастливы представить своему государю юных девиц, чья чистота и прелесть да станут украшением двора ее высочества Октавии, а в не столь отдаленном будущем – счастьем достойных отпрысков Лучших Людей Талига.

Ручательницы отвечают за благонравие и скромность будущих подруг ее высочества, кои будут названы друг за другом сообразно титулам ручательниц и заслугам их фамилий перед Создателем и наместником Его...

– ...а также, – пробормотал под нос Валме, сожалея, что его не слышит хотя бы Давенпорт, – «сообразно их воинским успехам и прилежанию».

Лентяй, сочинявший оглашаемую муть, явно содрал ее с Фабианового списка, но унаров хотя бы расставляли по местам, имея в виду их собственные достижения, а не породу.

– Это будет обидно капитану Гастаки, – с ходу решил Марсель, —

Ибо юные девы отнюдь не собаки.

В ответ наверху запиликали виолы, и на добродетельных дам и отважных кавалеров посыпались бумажные цветочки – розовенькие, голубенькие, беленькие... Поскольку о

девах заранее не объявляли, то и правил никаких на сей счет не предписывалось, и Марсель счел возможным поймать парочку розовеньких, видимо, анемонов. Томный цветочный запах живо напомнил об ароматической воде, коей граф Ченизу щедро орошал письма «принцессы Елены». А ведь урготскую ласточку сегодняшнее представление оскорбило бы! То, что люди, полагающие себя умными, делают в расчете на тех, кого опрометчиво полагают безмозглыми, всегда обижает, а то и злит. Графиню Арлетту и вовсе разозлило на всю жизнь.

Схожесть затейного Ноймариненами представления с жеребьичьим выпуском настраивала на злобно-дурашливый лад, но понять здесь можно было немало. Валме сунул пойманный цветочек за скреплявшую кружева булавку и приготовился смотреть и запоминать. Увы, караулящий боковое, пусть и почетное, кресло виконт видел лишь церемониймейстера с подручными да восседавших напротив клириков и мужей из регентского совета, самым приметным из коих являлся мэтр Инголс.

Дядюшка Маркус предпочел остаться с супругой. Маркизов Фарнэби от Валмонов, если виконт не просчитался, отделяли Дораки, Фукиано, Рафиано, Креденьи и Гогенлоэ, причем дядюшкин соперник к мэтру Инголсу тоже не подсел. Это было мудро: законник лжегеренция затмил бы во всех смыслах.

Марсель представил по соседству с мэтром куда более со-

лидного папеньку, испытал законную гордость и стал размышлять о дамах. По логике, первыми надлежало представлять молоденьких герцогинь, но из таковых в Старой Придде имелась лишь Гизелла Ноймаринен. Ее сбежавшую от бергеров сестру из уважения к родителям еще можно было счесть добродетельной вплоть до девственности, но возраст, возраст... Да и представлять королю кузин, с которыми он живет в одном замке, глупо. Оставалось проявить царственную скромность и оказать любезность гостям, благо в Старой Придде собралось не меньше дюжины дам, готовых незамедлительно предъявить эскадрон внучек, дочерей и прочих племянниц. Тут, правда, имелась закавыка в лице маркизы Фукиано, высокородностью бывшей всех, кроме Георгии.

Правнучка маркизы Рената Колинъяр, пусть ее родитель и сидел под замком, оставалась герцогиней, и прав на фрейлинский патент у нее было не меньше, чем у внучек Манрика, коих взялись опекать Гогенлоэ. Маркус полагал, что в корыстных целях, но важнее было другое. Пустить ко двору отродье Манриков, обойдя при этом отродье Колинъяров, означало создать почву для отличного скандала, закатывать кои Фукиано умела, как никто.

На балконе отпиликало, поднявшийся сквознячок разметал разноцветные бумажечки, напомнив задумавшемуся виконту о вишневых весенних выюгах. И о конском топоте. Гонец вез весть о гибели коня и мерзавца. Все так расстроились из-за Моро, что даже не смогли толком обрадоваться

из-за Та-Ракана, а Рокэ так вовсе окаменел. Тогда это было понятно, но с чего изображать истукана сейчас?

– *Благородная и добродетельная графиня Анна, супруга члена регентского совета графа Рафиано, оказавшего Талигу и Создателю немало неоценимых услуг*, – пропел, прерывая догадки, ликтор, – *ждет дозволения представить юную графиню Дорак, дочь своей любимой подруги, не дожившей до сего знаменательного дня.*

Итак, устроители решили идти не от девиц, а от ручательниц, что было вполне разумно, а дражайшая Анна, явив достойную супруги экстерриора гибкость, задним числом обзавелась подругой. Между прочим, любимой!

Напоминая в большом придворном туалете синюю буйволицу, рассольный сыр из молока коей батюшка ставил очень высоко, графиня медленно поплыла к белой с золотом девице, замершей в добродетельной позе меж женским и мужским берегами. Воспоследовал целомудренный реверанс, и будущую фрейлину повлекли к трону.

Обойти при создании Малого двора племянницу Сильвестра было – нет, не немислимо, ведь кардинал уже умер, а недалеко видно, что ли... С верхних веток и так осыпалось немало шишек, что не могло не вызвать определенных надежд, а смерть Мевена затянула разорванную помолвку спасительным дымком. Верней, затянула бы, догадайся Леони явиться в трауре. Черное с золотой оторочкой придало бы грустной загадочности даже Зое, но сестрица Дурзье наце-

пила белое, что было вдвойне глупо. Королевские цвета лучше предоставить королям, хотя что возьмешь с девы, чей батюшка пытался подвинуть Валмона?

У затканного розами ковра графиня Рафиано сделала неполный реверанс, но Леони пришлось присесть, как полагается. Король ответил милостивым кивком, принцесса заученно махнула пухленькой ручкой, герцогиня Ноймаринен медово улыбнулась.

– Девушка Дорак, – объяснил церемониймейстер, – в ближайшее время получит высочайший ответ. В случае положительного исхода к нему будет приложен патент фрейлины.

Фабианов день был посрамлен! Унаров в соответствии с предварительным сговором разбирали на месте, девам удовольствие продлили, хотя в том, что дочь «любимой подруги графини Рафиано» станет фрейлиной, не усомнился бы даже изловленный Кроунером жук.

Девушка Дурзье, последнее отныне можно было считать доказанным, задрав носик, вернулась на прежнее место. Валме поправил бумажный анемон и приготовился смотреть дальше. Рискни старший Гогенлоэ усесться на скамью регентского совета, следующим наверняка шло бы его семейство, но старый сухарь струсил. Очень может быть, потому, что дядюшка Маркус не испугался собаки племянника.

Арлетту когда-то оставили на почти таком же ковре, и она, опустив по маминому совету глаза, разглядывала вытканые анемоны, а густой чужой голос называл имя за именем. В тот день ко двору представили добрую сотню юниц, сейчас не набиралось и пары десятков. Алиса брала заложниц, Георгия прикармливала сторонников, но везти дочерей через идущие вразнос провинции рискнули далеко не все, и еще больше не все получили приглашения. Виконт Карье и его супруга, урожденная графиня Гогенлоэ-цур-Адлерберг, получили. Мало того, виконтессу выпустили сразу после графини Рафиано – хозяева показывали объединившимся против новой графини Креденьи дамам, что их возмущение понято и сочтено справедливым. Хороший вкус требовал от графини Савиньяк того же, но Аглая была всего лишь увязшей в молодости мещанкой. В отличие от Урффриды, от которой можно было ждать крупных неприятностей если не для Ли, то для Талига.

Иссерциал обожал запускать к непобедимым героям змей, правда, занимались этим подлые враги, но почему бы не предоставить гадов другим гадам? Тем более что женись Креденьи на отлично воспитанной дворянке, виконтесса Карье исходить ядом не прекратила бы, напротив! Подвинуть тесемочницу проще, чем аристократку, за которую встанет

блюдущая уже свои интересы семья. Года три назад братец Гектор хмыкал, что Карье маринуют единственную дочь в надежде выдать ее замуж уже графиней. Тогда между долговязой девицей и титулом стоял лишь до безобразия бодрый дядя, теперь на горизонте возник еще и рэй Кальперадо.

Больше всего Арлетте хотелось одолжить на полчаса хорошие глаза и разглядеть физиономии застывших на ковре и у ковра виконтесс, но приходилось довольствоваться фигурами – синей с золотом и лимонно-желтой. Графов Креденны судьба одарила лошадиными физиономиями, графы Гогенлоэ-цур-Адлерберг в юности напоминали цапель, а в зрелости – щук, но дочери у них время от времени получались красивыми.

– Девушка Карье, – церемониймейстер был торжественен и бесстрастен, как плохой памятник, – в ближайшее время получит высочайший ответ. В случае положительного исхода к нему будет приложен патент фрейлины.

Реверанс, и лимонная долговязая фигура отправляется назад, внезапно напомнив о короткохвостом надорском коне, что некогда произвел неизгладимое впечатление сперва на Арно, а потом и на Росио.

– Благородная и добродетельная графиня Дагмар-Одила, супруга графа Гогенлоэ-цур-Адлерберг, оказавшего Талигу и Создателю в должности геренция немало неоценимых услуг и до последнего отговаривавшего его величество Фердинанда от пагубного, при всем его величии и отваге, поступка,

– про регентский совет и нынешнее положение Гогенлоэ составитель бумаги благоразумно умолчал, – *ждет дозволения представить своих юных внучек виконтесс Адлерберг Роланду-Октавию, Альму-Сабину, Марту-Терезию, Зельму-Вильгельмину и виконтессу Лионеллу.*

Дагмар-Одила, бирюзово-зеленая, как морская даль, выпустила стайку голубоватых девиц: четверо, высокие и русые, явно принадлежали к роду Гогенлоэ, пятая, рыжая и пухленькая, могла быть лишь внучкой разгребающего надорские руины Манрика. Судя по имени – младшей, судя по умелому сокрытию фамилии – предназначенной на обмен.

5

– *Благородная графиня Иоганна, супруга графа Флашблау-цур-Мевен, представляет юных дочерей, Иоганну и Корнелию...*

Все трое в трауре. Старшая сестричка, как и положено, серьезна, а вот младшая не может скрыть улыбки. Приятные девушки, еще летом Жермон пригляделся бы к ним повнимательней. Подумать только, ему годами нравились хохотушки, а потом Ойген его почти соблазнил светлыми косами! Если б не война, он мог заявиться в Альт-Вельдер женатым. Ужас, причем невозможный. Жермон Ариго должен был найти Ирэну, и что бы ни говорил Райнштайнер, из дома его выставили для этого! Отобрали столицу с ее навязчивы-

ми невестами, научили отвечать за себя и армию, подsunу-
ли Валентина, раз за разом проводили по краю... Какой, к
кошкам, Излом, какая кровь? Дело в серых глазах, в том, что
они должны были встретиться, причем вовремя! Зачем Ир-
эне был еще один гвардейский обалдуй? Да и разглядел бы
он серебряное диво? Мог ведь, как дурак Робер, промчаться
мимо, не понять, перепутать, послушаться родителей, в кон-
це концов! Отец Приддов не жаловал, их мало кто жаловал,
Савиньяки, и те...

То, что он подкручивает усы, маршал понял, когда сделать
уже было ничего нельзя. Оставалось довести дело до конца,
уповая на то, что на него никто не смотрит. Ну кто станет
глядеть на женатых вояк, когда вокруг женихи и невесты?!
И это не считая регента и короля с сестрицей, ухватившей
Арно. Младший Савиньяк у юных особ нарасхват, Октавия
его нипочем не отпустит, значит, кто-то из торчащих на по-
мосте кавалеров окажется лишним, и почему не граф Ари-
го? Когда всё закончится, надо тихонько спуститься и быст-
ро подхватить какую-нибудь солидную даму...

Подзорной трубы у Жермона не имелось, но ликтор стоял
достаточно удобно, чтобы оценить разворачиваемый свиток.
Церемония потихоньку ползла к концу, и Ариго со странным
удовольствием разглядывал представляемых девиц. Так лю-
буются ловушками, которых удалось избежать.

Черно-желтая черепаха – вдовствующая графиня Елиза-
вета Тристрам – привезла дочь Марию, а вдовствующая гра-

финя Розамунда – виконтессу Таур-Тро, в сером с голубым платье та походила на сойку. Кто такие Тауры-Тро и кем они приходится этой самой Розамунде, Жермон либо не знал, либо не помнил.

– Благородная баронесса Доротея, – ликтор стал читать чуть быстрее, – верная супруга генерала от кавалерии барона Хейла, покрывшего себя славой на службе Талигу и королю, представляет юных дочерей...

– Благородная баронесса Виргиния, безутешная вдова барона Дрюс-Карлиона...

– Благородная баронесса Северина...

Северина Хони-Агарик была последней, это стало ясно еще до того, как приставы взялись за свои жезлы. Жермон подмигнул оживившемуся Людвигу и на всякий случай глянул на Арлетту Савиньяк. Графиня отчаянно шурилась, пытаясь разглядеть что-то прямо перед собой. Ариго немедленно уставился вглубь праздничной анфилады и увидел нечто розовое. Кто-то... Какая-то женщина почти бежала меж двух уставившихся на нее шеренг. Судя по лентам в рыжих волосах, опоздавшая была незамужней. Невысокая, плотненькая, с решительно вздернутым подбородком, она рвалась вперед под нарастающее человеческое жужжание. Отчего-то стало даже не неудобно – стыдно. Церемониймейстер молчал; что делать, он не знал, такие без приказа цепенеют, а непонятная девица уже проскочила между скамьей с клириками и старухой Фукиано, следующей была скамья регентского совета,

напротив которой торчал Валме. Может, он что-нибудь бы и сделал, только этого не понадобилось. Непонятную бегунью догнал Валентин, и не просто догнал, а взял под локоть, вынуждая унять разгон. Девушка дернулась и обернулась к негданному спутнику, Валентин что-то быстро и тихо сказал, после чего пара более или менее чинно двинулась к заветному ковру. Жермон с непонятным облегчением перевел дух, он все еще ничего не понимал, но не сомневался – Придд только что исправил какую-то пакость.

Церемониймейстер так и таращился на двоих посреди примолкшего зала, на них все таращились. Ровно на том месте, на котором останавливались всякие розамунды, Придд выпустил локоть спутницы, та снова быстро на него взглянула и вступила на розоватый ковер.

– Ваше величество, – отчеканил Валентин, – ваше высочество, господин регент. Разрешите представить вам юную Иоланту, виконтессу Эммануилсберг, внучатую племянницу покойной герцогини Придд, верной супруги покойного же супрема Талига герцога Придда.

Глава 7

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

Отзвучали фанфары, и малолетний король, живо напомнив о менторах и таблице умножения, оттарабанил, что в четыре ближайших дня решит, кои из расцветающих роз украсят сад его возлюбленной сестры. Возлюбленная сестра немедленно присела в реверансе, после чего на головы приглашенных обрушился очередной дождь раздушенной бумаги, на сей раз алой. В память о Катарине Ариго, надо думать.

«Расцветающие розы» Валме доконали в том смысле, что виконту захотелось вырвать у церемониймейстера жезл, вскочить на Мэгнуса и с воплем «Благодатное лето сменило весну, розы радуют глаз, о!» проскакать разукрашенной анфиладой, колотя гостей и радуя несчастного ребенка. Окажись поблизости Фома, Марсель с бакранской прямотой сообщил бы ему, что урготские мистерии красивей и необременительней дриксен-талигойских, однако ни ургота, ни козла не наблюдалось, а на головы все сыпалась и сыпалась пахучая дрянь.

– Кальтарин! – взревел тем временем болван, у которого никто не догадался отобрать его палку. – Его величество и ее высочество открывают кальтарин!!!

Оживившийся король почти соскочил с трона, Октавия сделала очередной реверанс, причем оставшаяся без ленты коса окончательно расплелась. Будь девице Оллар лет на пять больше, это бы выглядело очень мило.

– Кальтарин! Благородный кальтарин! Ода мужеству рыцарей Талига и красоте их избранниц!

Первый громовой аккорд рассыпался легкой трелью. Его величество подал руку сестре, которой не доставал и до плеча.

Неожиданно оказавшийся очень недурным оркестр завел первую из связанных в двойной венок мелодий. Мальчик и скособочившаяся девочка чинно спустились с тронного возвышения, Рокэ встал перед герцогиней Ноймаринен, третьими, само собой, оказались Рудольф и графиня Савиньяк.

– Кальтарин! Регент Талига следует за его величеством! Лучшие люди Талига следуют за его величеством!

Ариго ожидаемо составил пару чернокудрой маркизе Ноймар, а малость испуганному Эпинэ досталась бывшая маркграфиня. Подчеркнутое гранатовым гарнитуром сочетание серебристой парчи с черным бархатом радовало взгляд и наводило на размышления. Не отступить от фамильной, довольно-таки трудной гаммы, избежав равно неуместных для разведенной особы юной наивности и зрелой откровен-

ности надо суметь. Урффрида Ноймаринен сумела.

– Кальтарин! Красота вручает себя благородству! Лучшие люди избирают прекрасных спутниц. Кальтарин!!!

Мимо Марсея с решительным видом продефилировал маркиз Ноймар, чьей целью была маркиза Фукиано. Рафиано проявил верность старой дружбе и подобрал графиню Гогенлоэ, в ответ граф Гогенлоэ осчастливил Анну Рафиано. Сия гармония прищипорила дядюшку Маркуса, и он-таки склонился пред графиней Креденьи, та вспорхнула, напомнив о кагетских настенных птицах. Начало союзу Фарнэби и Креденьи было положено, оставалось подумать о себе.

Валме изящно отступил к стене, щелчком расправив кружево на манжете. Кто из прошлых Олларов выстроил кавалеров в очередь и запретил им приглашать на кальтарин жен и сестер, Валме запомывал, но это порождало множество любопытнейших коллизий.

Мелодия сменилась, когда составились наиболее солидные пары; в арьергарде неторопливо прошествовали мэтр Инголс с маркизой Фарнэби, мэтр вешал, тетушка загадочно улыбалась, и ей это все еще шло. Следующим предполагался герцог Придд, после которого наступал черед наследника Валмонов. Гизеллу Ноймаринен уже вел Арно Савиньяк, Леони Дорак исключалась, Гогенлоэ были нежелательны, но у сожранного змеюкой Мевена остались сестры... Графские дочери отлично годились для графского же наследника, и к тому же были недурны и со вкусом одеты. Марсель чуть

задержался за опустевшим креслом Фукиано, держа в поле зрения приближающегося Валентина, девицу Дорак, выводок внучек Гогенлоэ, в котором вызывающе розовела девица Манрик, и сестричек Флашблау-цур-Мевен. В Олларии Иоганна и Корнелия считались подругами Леони, сейчас они друг друга не видели, хотя, возможно, девы просто смотрели на Придда. Повелитель Волн мог продолжить спасение двоюродной племянницы, но это выглядело бы вызывающе, а Валентин вызывающе не выглядел, а действовал. В случае необходимости, сейчас же таковой не наблюдалось, и герцог пригласил открывавшую парад девиц Леони. Новая пара пристроилась к хвосту процессии, заслонив так и не прицепившего шпагу мэтра. Спрут что-то говорил, и безупречное выражение наводило на мысль о погоде и цветении анемонов и прочих крокусов.

Марсель подавил ухмылку и, сверяя шаг с музыкой, двинулся наискосок через зал. Корнелия слегка напоминала Елену, а Иоганна была близка с покойным братом, перед которым семейство Валмон было в невольном долгу. Пора было выбирать, бросить монетку на ходу не получалось, но вмешался случай.

Краем глаза виконт заметил наследника Дораков, пристраивающегося к розовой бунтарке. Та отступила к сестре и кузинам, в свою очередь подавшимся назад и сбившимся в стайку. Двоюродная племянница Придда осталась один на один с Дурзье, на физиономии которого проступила памя-

ная по истории с Эпинэ самодовольная мина. Отвратительно!

Адуанов и Готти в распоряжении Валме на сей раз не имелось, но виконт справился. Неожиданная остановка, резкий поворот, шаг к девице.

– Сударь, прошу вас несколько подвинуться, вы заступили дорогу даме. Сударыня, как вы, возможно, помните, я – Марсель, виконт Валме, старший сын и наследник графа Валмона. Прошу вас оказать мне честь.

Сударыня оказала, куда ей было деваться.

2

Анфилада удачно притворялась тупиком, но впереди ждало два поворота и отнорок с двумя смежными залами, в которые удалятся самые почтенные из дефилировавших пар, предоставив молодежи якобы свободу для обретения и излияния возвышенных чувств. Еще одна выдумка Алисы, которых графиня Савиньяк за вечер успела насчитать немало.

– Я должен вам кое-что сказать, – Рудольф галантно отступил на шаг, давая возможность партнерше себя обойти. – О Гогенлоэ.

– Вы уверены, что это нужно? – сощурилась графиня, закончив обход и протянув герцогу руку. – Рокэ здесь, и он к вам достаточно привязан, чтобы не искать посредников.

– Я с ним уже говорил, – будь они в другом месте, Нойма-

ринен отмахнулся бы и потер спину. – Парень меня убедил.

– Даже так? – совершенно искренне удивилась Арлетта. – И это когда я написала целых три письма!

– Примите мои извинения. Собственно, это я и хотел вам сказать.

– Лучше объясните, почему вы передумали.

– Потому что подумал, – заинтриговал бывший регент и с поклоном отступил. Начиналась очередная перемена мест.

Графиня Савиньяк с приличествующей празднеству улыбкой слегка приподняла юбки и, чуть повернувшись, присела. Фигура позволяла разглядеть следующие пары. Ариго и Эпинэ были на своих местах, равно как и их дамы, но третьими оказались... Арно с Гизеллой.

Детищу следовало, уступив ухватившую его Октавию брату, тихонько спуститься и, выждав, когда пройдут члены регентского совета и наследники фамилий, осчастливить кого-нибудь не слишком липкого, а заранее оговоренным партнером для девицы Ноймаринен был герцог Придд. Следующим в реестре значился наследник Валмонов, которому предстояло как-то отделаться от причитавшейся ему девицы Дорак...

Бурно чему-то возрадовались виолины, кавалеры завершили передислокацию, поклонились и подали партнёрам руки. Можно было продолжать разговор.

– Итак, Рудольф, – напомнила графиня, выкидывая из головы раздумья о неожиданной паре, – вы подумали.

– Жаль, поздно! Я как-то выпустил из виду то, что последовало сразу за смертью Сильвестра, а ведь началось с нее!

– На мой взгляд – с того, что Манрик решил стать Сильвестром.

– Именно. Рыжий скот вконец подмял Фердинанда, но вернись Рокэ или появись в Олларики Георгия, король бы взбунтовался. Чтобы пустить корни, временщикам требовалось время, и его им дал Гогенлоэ, переслав Алве найденное у Сильвестра письмо вместе с выданным из короля уже Манриком приказом немедленно отправиться в Урготеллу и оставаться там. Геренций был обязан сопроводить письмо уведомлением о кончине кардинала, но не сделал этого. Мало того, я узнал о смерти Сильвестра чуть ли не на неделю позже, чем следовало, и из вторых рук, к тому же Фердинанд просто не мог не написать сестре! Значит, письмо пропало, и устроить это мог только геренций.

– Его дочь замужем за наследником Манриков.

– Да, похоже, дело решило именно это. Рокэ заявил, что у Гогенлоэ слишком много внуков, чтобы доверять ему геренцию.

– У него и младшая сестра цела.

– Несущественно, – хмыкнул Рудольф, в очередной раз наклоняя голову.

– Для вас, – не согласилась Арлетта. – Вы сейчас оставите меня у дверей дамской гостиной и удалитесь пить вино во вполне приличной компании, а мне достанется... букет роз,

среди которых будет и урожденная Гогенлоэ.

— И две не урожденных. — Бывший регент слегка поморщился. — Как же от всего этого устаешь, и ведь только начали! Представляю, что будет твориться на Октавианские праздники...

— Помнится, вы не хотели заводить двор.

— Я и сейчас не хочу, но обстоятельства изменились. Нужно показать, что в Талиге все в порядке. До такой степени в порядке, что дамы сплетничают, девицы строят глазки, а молодые люди из-за них стучат шпагами.

3

Оркестранты перешли к третьей теме, они разыгрались и теперь могли дать фору хоть бы и дворцовым коллегам. Будь с Валме Иоганна — теперь Марсель со всей отчетливостью понимал, что выбрал бы ее, — он бы заговорил о музыке, в частности, о добившихся удивительной плавности флейтистах, но рядом пыталось не наступить на подол занятое лишь своими бедами создание.

— Давайте объяснимся, — не стал темнить виконт, когда они относительно благополучно выбрались в следующий, довольно-таки длинный зал. — Вы мне ничем не обязаны. По ряду причин я не могу видеть, как Дарзье пытается кого-то арестовать, он при этом просто отвратителен.

— Меня никто не арестовывал, — запротестовала в недав-

нем прошлом первая невеста Талига. – Я не собиралась танцевать!

– С Дурзье, – уточнил Валме, в меру сил подчеркнув сакраментальное «у». – И потом, мы пока не танцуем, а дефилируем. Танцуют на андиях, но в Талиге их нет.

– И не надо! Вы... Валмоны не беднее нас... То есть не беднее нас, какими мы были в прошлом году.

– Пожалуй, мы богаче, но вам я не опасен в любом случае. У меня есть серьезные обязательства перед девицей, которая не расплакалась во время мистерии. Она тоже была в розовом, но, прошу меня простить за резкость, этот цвет ей идет. В отличие от вас.

– Пусть! Это мои цвета, и я буду их носить!

– Почему бы и нет? Спасибо Франциску, талигойские гербы позволяют играть сразу с тремя цветами, к тому же бывает розовое и розовое. Вы видели живых фламинго?

– Зачем?

– Они бывают разных оттенков, некоторые так и вовсе цвета абрикоса со сливками. Очень изысканный цвет, он украсит практически любую женщину и большинство мужчин.

– Вот и носите его! – отрезала спасенная. Танцевать она не желала, и все же, когда дошло до дела, честно остановилась, сделала шагок назад и слегка присела, придерживая коварную юбку. Пользуясь случаем, Марсель повернул голову: Дарзье удовлетворился одной из сестриц Гогенлоэ, а их

было слишком много для хорошего приданого.

Флейты наверху всхлипнули от счастья и утонули в гудении виолин, будто в меду. Валме поменялся местами со своей дамой, кальтарин вихляющейся сороконожкой пополз дальше.

– Я не желаю украшаться! – вернулась к прерванной беседе успевшая изрядно разозлиться дева. – Я вам не красotka Селина, и мне все равно, в чем падать с лестницы!

– В чрезмерно длинных платьях падать удобнее.

– Мать выше меня, это ее... Она была фрейлиной... Нам с Лионеллой сшили голубые, я решила, что не надену! Я – Манрик, меня продают, чтобы прикрыть грабеж, ну так пусть видят, что я...

– Уверю вас, слепых здесь нет. – Назревал поворот, и Валме придержал изрядно мешавшую шпагу. – Вы собирались рассказать о платье как таковом.

– Его отыскала бабушкина камеристка. Кружева мы перешили, а о юбке я не подумала! Они запретили мне в таком виде, а я все равно... Тетка отказалась меня представлять, тогда я сама...

– Для первого раза у вас получилось просто отлично, – Валме приподнялся на цыпочки, после чего слегка наклонил голову, – однако на будущее запомните. Зеленый, отороченный золотистым или серебристым, очень хорош, а отделка из розового неяркогo атласа в зависимости от оттенка и освещения будет казаться золотистой или серебристой. В сочета-

нии с розовым или золотистым же жемчугом и рыжими волосами это выглядит очень приятно. Насколько мне известно, самый способный ученик батюшкиного портного сейчас при графине Савиньяк.

– От этих я ничего не возьму! – Лицо строптивицы стало одного цвета с платьем. – Этот убийца...

– Савиньяки не роняют жен с лестниц.

– О да! Они убивают на дуэлях.

– Паршивцев и поганцев, сударыня.

– Дядя Леонард был... был...

– Его убил отнюдь не Савиньяк.

– Потому что ему запретил Сильвестр.

– Не думаю... Видимо, Лионель пришел к выводу, что немедленно убивать вашего дядю не сто́ит. Вы знаете, что ваш дед в Надоре?

– Что?!

– Господину Манрику очень надоели Бергмарк, безделье и Колиньяры; на этом фоне сговор с Савиньяком, а переезд устроил именно он, такая мелочь.

– И все равно я не...

– Правильно, у вас другие неприятности.

– Они мои, и вообще... Оставьте меня в покое!

– После завершения кальтарина, сударыня.

Четвертая часть была самой громкой и сложной, к тому же девица задрала нос, а Валме уже все сказал.

Глава 8

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

– Арлина! – Георгия, просияв, указала на место рядом с собой, и Арлетта лишь чудом не пропела в ответ «д’ра-агая!».

Дамская гостиная, которой предстояло принять в свои объятия самых бла’ародных из замужних особ, выглядела изысканно до непереносимости. В Талиге умели оживлять совершенство чем-то, на первый взгляд нарушающим гармонию, а на второй – ее подчеркивающим, но жена Рудольфа стремилась к совершенству на дриксенский лад, хотя вряд ли осознанно.

– Ты задумчива, – завела разговор герцогиня, следя взглядом за устраивающимися чуть поодаль одетой по-кэналлийски невесткой и выгодно оттеняющей портьеры дочерью. – Что-то случилось?

– Не могу понять, – быстро, словно желая высказаться до появления чужих, произнесла Арлетта, – как Гизелла оказалась с Арно, ведь с ней должен был идти Придд...

– Твой сын спутал церемонию, – напомнила Георгия, – а Октавия в последнее время слегка отбилась от рук... Я поговорю и с ней, и с Гизеллой, но внезапно у трона оказался очень красивый кавалер, а Спрут не из тех молодых людей, о которых мечтаешь в юности... Потом договорим!

– Несомненно, – кивнула Арлетта, улыбаясь Анне Рафияно. Жена брата повертела головой, выискивая достойное доверия кресло, и отпустила приличествующее супруге экстерриора замечание об убранстве гостиной.

– Это было непросто, – пожаловалась Георгия, – у меня не оставалось времени даже на смену обивки и светильников, пришлось использовать то, что было в Старой Придде.

– Для военных, – заметила Арлетта, – особенно застигнутых врасплох, это обычное дело. Воюют тем, что есть здесь и сейчас, впрочем, букеты и шнуры к шторам творят на первый взгляд невозможное. Я видела подобное в одном доме в Олларии...

– Самым трудным было определиться с цветами, – не дала увести разговор в сторону герцогиня. – От белого и черного избавиться невозможно, но сами по себе они не способствуют уюту, алый слишком резок, а в сочетании с синим выглядел бы еще и двусмысленно...

– Удачно, – Арлетта сощурилась на серебряную с черным портьеру, составлявшую единое целое с черно-серебряной Фридой, – удачно, что Оллары, Алва и Ноймаринены выбрали черный, а серебряный и белый, так же, как и алый с багря-

ным, переходят друг в друга. Вот кэналлийский синий здесь в самом деле неуместен, хотя настоящие художники используют и подобные неуместности...

– Это волшебно! – графиня Гогенлоэ с невесткой замерли на пороге, созерцая все те же занавески. – Вы сотворили чудо! Зимнее серебро, черные тени, словно бы сполохи пламени...

– Какая жалость, – подхватила маркиза Фарнэби, умело не наступив на шлейф Гогенлоэ, – что в Старой Придде нет каминов. Живой огонь необычайно усилил бы впечатление...

– Не терплю каминов! – ведьма Фукиано осталась верна себе. – Дурной перевод дров!

– Живой огонь навевает воспоминания, – невестка Гогенлоэ так и держалась свекрови, – вы сотворили невозможное... Оживить старый дворец, придать ему достойную столицы утонченность...

– Душа дома – это хозяйка, – графиня Тристрам восхищенно вздохнула. – Некоторым дарована способность преобразовать амбары в дивные чертоги.

– А некоторым, – припечатала Фукиано, – наоборот!

– Несомненно, – весело подхватила Анна Рафиано, – но нам повезло, не правда ли?

– О да, – расцвела виконтесса Карье. – Я давно не видела столь дивной гостиной!

– Да уж, голубушка, – прогудела маркиза, – в приличные дома тебя пускают не часто, а скоро и вовсе перестанут.

– У меня нет каминов, – Георгия молодо улыбнулась, с ее зубами это было допустимо, – но у меня есть шадди. Лично я предпочитаю пить его на северный манер, а вы?

– Некоторые сорта, – дипломатично заметила графиня Ра-
фиано. Георгия позвонила, и из-за очаровательной ширмы с танцующими под звездами серебряными волками выплыли слуги с подносами. Сосуды для шадди печально соседствовали с ненавистными сливочниками и бессмысленными сахарничками.

Когда перед ней водрузили угощение, графиня Савиньяк позволила себе улыбнуться. Георгия все очевидней брала пример с матери, но при этом не желала иметь ничего общего с домом Зильбершванфлоссе, и лебеди-сливочники превратились во вставших на хвосты дельфинов. Отмежевывались от кесарии и сахарное печенье с корицей, миндаль и особенно сыр, но отречься не значит перестать быть.

– Какой изумительный вкус, – воскликнули две из дам Гогенлоэ, а третья, изображая восторг, закатила глаза.

– Я пью только со сливками, – графиня Тристрам ухватила дельфина за хвост, и тот бурно плюнул в подставленную чашку. – Оттого, что я с севера, что ли, но я не переношу горечи!

– Горечи слишком много в жизни, – подала голосок отринувшая родича-дукса Розамунда Карлион, – так пусть будет сладким хотя бы сегодняшний вечер!

– Как же вы правы, – маркиза Фарнэби взяла щипчика-

ми кусочек сахара, графиня Флашблау-цур-Мевен последовала ее примеру, а Фукиано по-конски захрустела печеньем. Арлетта отправила в рот пару орешков и под милые шутки про северную сладость и южную горечь хлебнула шадди. Он ничуть не изменился с того приснопамятного дня, когда Рудольф не верил в бесноватых, а потом обнаружил такового в собственной приемной.

– Упоительно, – воскликнула Элеонора Тристам. – Я родилась на юге, но мне кажется, я в родительском доме...

– Я тронута, – Георгия опять улыбнулась. – Я слишком часто слышу, что югу и северу не сойтись, но за свою жизнь успела убедиться, что невозможное становится возможным. Нужно только захотеть, не правда ли?

И невозможное стало возможным, причем немедленно. Тяжелая, полускрытая упоительными портьерами дверь распахнулась, пропустив девическую фигурку. Графиня Креденьи томно вступила в твердыню Георгии и, поддерживая юбку лапкой с оттопыренным пальчиком, поплыла к онемевшим благородным особам.

– Это ужа-а-а-сно, – выдохнула она. – Я никогда-а не опаздываю, но ва-аш секретарь такой болва-ан. Предста-а-авьте, он меня не наше-о-ол.

2

Кто-то додумался заменить двери черно-белыми портье-

рами, превратив прежде забытые старым оружием чуланы в подобие альковов. Вышло сразу укромно и уютно, не хватало только выпивки, но это упущение Арно с Валентином успешно исправили, отобрав искомое у похожего на отставного капрала слуги.

За спиной, словно разминаясь, мяукали смычки, обещая танцы, но не веселье.

– Бежим? – подмигнул Арно, и приятели юркнули в вожденное убежище. – Те, кто здесь не бывал, сюда не сунутся, даже если захотят прогуляться по Старому Арсеналу.

– Очень удачно, что портьеры закрывают всю стену, – согласился Придд, сдвигая двуцветный бархат. – Догадаться, что за ними дверные проемы, с первого взгляда трудно, но танцевать нам придется.

– Танцы пережить можно... Постой, выходит, я тебя без кальтаринной дамы оставил?!

– Ничего страшного, – Валентин аккуратно отпил из стакана и слегка его отодвинул. – Смородина. К сожалению, я ее не люблю. Главное, не забудь, что вам с жуком завтра на аудиенцию.

– Попробую. Тебя заставляли всякие глупости в детстве заучивать?

– Без некоторых знаний, особенно литературных, я вполне мог бы обойтись. Вернее, лучше было бы их заменить на другие, но неужели тебя заставляли зубрить?

– Нет, поэтому мне Карла и жалко... Король, тоже мне!

Сиди, бубни, вокруг все надутые, скучища, а потом наверняка еще и вычитывать примутся. Жука я ему притащу, конечно, но надо бы еще что-нибудь.

– Можно послать в Васспард, у нас есть хорошие книги, только это недели три.

– Все равно пошли. – Спрут не жаловал смородину, а вот Арно против нее ничего не имел, скорее напротив! – Зачем тебе это розовое чудо понадобилось? Она же из Манриков!

– Вот именно, – порой Придд умудрялся напоминать Ли, причем даже не думая щуриться. – Девушка была одна. Среди вроде бы людей, знакомых, даже родни, и при этом одна. Трудно объяснить... Ей ничего не грозило, но я вспомнил, как мы с матерью шли по дворцу, еще не арестованные, уже не существующие. Давенпорт рассказывал, как он во сне метался по Надору и мог только смотреть; его не задевало обломками, он не слышал криков, но и его не видели. С нами было похоже, только убивало нас, и нас же не видели и не слышали. Я очень рад, Арно, что мы стали друзьями.

– Ну у тебя и выводы! – постарался хохотнуть виконт. – Тогда я очень рад, что больше не скотина, но ведь все это сделали Манрик с Колиньяром! Я про твою семью, если что.

– Они всего лишь захватили власть, не видели нас другие. Многие из них сейчас здесь и не видят уже эту девушку в розовом.

– Тогда почему ты не выбрал ее для кальтарина? Мы с Гизеллой и так все сбили.

– Это было бы слишком вызывающе. Насколько я знаю семью Гогенлоэ, у девушки в любом случае будут неприятности, но они бы и так были, причем даже более серьезные. Я всего лишь несколько исправил возникшую неловкость, заодно показав всем, кто оглядывается на регента, а значит, и на тех, к кому регент расположен, что появление девицы Манрик в родовых цветах не является поводом для травли. Если бы я продолжил уделять внимание Иоланте, а мы с ней достаточно дальние родичи, чтобы это допускало брак, создалась бы очень непростая ситуация. Тем более что у меня есть обязательства, которые не позволяют мне связывать свое имя с незамужними женщинами.

– Ты что?! – не допей Арно свой глинтвейн, он бы его разлил. – Обручился?!

– Пока нет, и отнюдь не уверен, что это вообще потребуется.

– Тогда что за обязательства и перед кем? Не перед Эдитой же!

– Перед известными тебе Мелхен и Селиной. Я не могу исключить, что кто-то из них, и хорошо бы не обе сразу, окажется в сложной ситуации, которую можно выправить лишь браком, пусть и фиктивным. Больше я ничего сказать не могу даже тебе, но я дал слово, и я его сдержу.

– Да кто тебе мешает?! Ну а если в сложной ситуации окажутся обе, я тебе помогу. Предпочел бы Селину, но и против рыжули ничего не имею.

– Я понимаю, как звучит то, что я сказал, – Валентин принялся расправлять манжеты, – но я не шутил.

– Как и я, – огрызнулся Арно. – Если понадобится, я же-нюсь и скажу, что так и было! Вот ведь, кляча твоя...

– Как водится, несусветная, – подсказал Валентин и под-нялся. – Буду тебе весьма признателен, если ты останешься со мной весь вечер. Не хочу частных разговоров слишком со многими здесь присутствующими.

– Вообще-то, – посоветовал Савиньяк, – проще довести парочку собеседников до сумасшествия, ты это можешь. Конечно, придется потерпеть, зато после этого к тебе никто не сунется.

– Возможно, – кивнул лучший друг, – я так и поступлю.

Они вышли удивительно вовремя. Слуга-капрал, тот самый, у которого Арно отобрал кувшин, заметил, куда они делись, и шел доложить, что герцога Придда ищет господин экстерриор. В этом не было ничего страшного.

– Надеюсь, господин Спрут, – как мог изысканно протя-нул виконт, – вы не собираетесь оставлять армию ради ди-пломатии.

Господин Спрут никоим образом не собирался.

3

– Это ужа-а-сно, – Аглая со страдальческим видом поста-вила чашечку, – ужа-а-сно. Вам надо выгна-ать буфетчика.

Тишина, окутавшая гостиную, показалась бы жуткой, не будь она смешной. Первой опомнилась Анна, дипломатично припав к чашке. Все, имеющие глаза, да видят: графиня Рафиано с наслаждением вкушает отвергнутый презренной тесемочницей напиток, зато имеющие уши не слышат ничего, ведь благородная дама не станет говорить с полным ртом. Рот виконтессы Карье был пуст, как и голова.

– Герцогиня Ноймаринен, – воскликнула спящая и видящая себя графиней дура, – не нуждается в поучениях разных...

– Выскочек! – гавкнула в одиночку завладевшая игривым диванчиком Фукиано. – Которым место в лавке!

– А не-е-е-которым, – Аглая томно вздохнула, – ме-есто в Багерле-е-е. Не-е-е-которые такие изме-е-нники!

– В Багерлее всякую рвань не берут, – теперь старуха взревела. – Всякую рвань сгоняют в Лору! Ворье, грабителей, шлюх, мошенников...

– Не надо о неприятном, – подала голос из своего угла маркграфиня. – Прошлое прошло.

– У шлюх память и впрямь коротка, – тут же сверкнула глазками Аглая, – куда им упомянуть, замужем они или нет.

В ответ можно было бросить, что некоторые забыли, сколько лет жили во грехе и скольких детей в оном прижили, но графиня Савиньяк предпочла отодвинуть свой шадди, уронив при этом на каменный пол ложечку.

– Увы, – посетовала Арлетта, – но графиня Креденьи пра-

ва. Мне, как урожденной Рафиано, искренность и непосредственность глубоко чужды, но слова прозвучали, и у меня больше нет выбора. Я вынуждена покаяться – буфетчик, которого мне прислал маркиз Фарнэби, истинный волшебник, и я должна была одолжить его нашей дорогой хозяйке. Геора, надеюсь, со временем ты меня простишь?

– Не я, – герцогиня хранила достойное дома Ноймаринен спокойствие. – Те, кто пьет шадди со сливками, от талантов буфетчика зависят меньше. Тебе следует просить прощения у южанок.

– То есть у меня, – Анна успела проглотить свое пойло и заговорила, – но мы с Арлеттой если и поссоримся, то не из-за морисского ореха.

– Оставьте ваше кривлянье! – раздражить маркизу Фукиано было просто, а вот унять... – Может, вы в шадди и разбираетесь, только дело не в нем! К нам затесалась тварь из хлева, и я терпеть ее вонь не собираюсь. Вызовите кто-нибудь этого балбеса, ее муженька, пусть заберет свою грязно-хвостую кощенку и впредь не выпускает.

– Кто бы сперва старую суку вышаркал! – Аглая сидела, отставив локотки, а казалось, что стоит, уперев руки в бедра. Луиза сетовала на собственные дурные манеры, но не считала, что набралась от матери. Она ошибалась.

– Печально, – все еще негромко заметила Урфрида, – что мы не в состоянии сами отстаивать свою честь.

– Но мы можем воспитать сыновей, – бодро не согласилась

Арлетта, – которым это по силам.

Негромко стукнула дверь – Леона Ноймар предпочла выйти, но она оказалась единственной.

– Странная вещь – судьба, – маркиза Фарнэби воплощала собой изящную безмятежность. – Генерал Манрик счастливо избежал клинка вашего сына, но не прошло и месяца, как бедняжку убил предатель, который своим взлетом был обязан именно Манрикам.

– Рыжим давно следовало обрезать уши, – напомнила о себе Фукиано. – А их кормили и притравливали.

– Мой... – Георгия выдержала безутешно-красноречивую паузу, – покойный брат ошибался, очень ошибался, но сейчас у нас есть возможность исправить многое.

– И для начала выгнать взашей тех, кому при дворе не место, – старуха тарасилась на Аглаю, как злобный рак на изящную пиявочку. – Георгия, кого ты тут развела?

– Лично поздравить его величество с днем рождения – право каждого дворянина, начиная с барона, – ровным голосом напомнила хозяйка. – Вы можете забыть о вашем короле, но король не может не принять тех, кто прибыл, а женатым дворянам этикет предписывает на больших приемах появляться в обществе супруги. Арлина, Анна, я уважаю ваши вкусы и поэтому предлагаю вам фрукты, но лично я хочу шадди. Кто-нибудь рискнет ко мне присоединиться или вы боитесь показаться недостаточно... аристократичными?

– Это ужа-асно, – Аглая слегка успокоилась и теперь вновь

пела. — Я не па-а-анимаю, как вы это пьете.

— Боюсь, вы не понимаете многого из того, что мы делаем, — все же показала зубы герцогиня.

— Да-а-а... Я не понима-а-ю, как можно сбежа-ать от супруга, это та-ак безнра-а-вственно.

— Вы-то уж точно никуда не уйдете, — сверкнула глазками виконтесса Карье. — Куда вам идти? Только в конуру!

— Зато тебе в самый раз сбежать! Чертополох твой осел получит, а не сосну, зря ты с ним всю жизнь тухла, подметка жеваная!

— Уберите ее! — виконтесса вскочила, к потолку метнулась похожая на садовую соню тень. — Уберите... эту! Я за себя не ручаюсь!

— Виконтесса! — Георгия поднялась, сверкнули отлично ограненные камни. — Возьмите себя в руки, вам это должно быть по силам. Сударыня, я вынуждена вас просить нас оставить.

— Так не просят, — Аглая откинулась на спинку стула. — И я вам не прислуга и не подлабузница! Мой супруг и тессорий...

Дверь открылась удивительно вовремя, то есть не удивительно, поскольку открыл ее Рокэ, за плечом которого виднелась умница Леона.

— Я распорядился подать вино сюда, — весело заметил регент. — Обсуждать, как и когда отстаивать честь дамы, удобней вместе. И это заметно увлекательней той ерунды, кото-

рую мне пытались навязать супрем с геренцием, хотя война
всяко приятней.

Глава 9

Талиг. Западная Придда. Бриско

Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

Попробуй не расцеловаться с витязем, если ты господарь Сакаци и тебе в помощь лучший друг пригнал панцирный полусоколец, да еще столь своевременно! Савиньяк четырехкратно облобызался с седым чернобровым полковником, в чьих объятиях кости затрещали бы у самого Хайнриха, и, предоставив нового соратника Вальдесу, открыл еще холодный – аж пальцы липнут – футляр.

Рокэ был краток, весел и озабочен тем, что продолжало висеть над головой. Подробности о выигранном сражении предлагалось узнать у чернобрового Коломана, после чего как следует порадоваться и больше ни на что не отвлекаться. К концу Зимних Ветров Заль должен быть в Оллари, а Савиньяк – в Аконе, где самое интересное и начнется, что до остального, то братцы с Грато живы и молодцы, Коро со своим хозяином молодцы еще больше, а тенъент Костантини наверняка пригодится, и вообще надо было его сразу брать...

– Ну? – Вальдес уже держал немалую флягу. – Будешь мыслить или тюрегвизу?

– Тюрегвизе ее зовут, – уточнил Коломан. – Радуйся!

Если алат был коварен и ожидал, что Ротгер закашляется и примется трясти головой, то он просчитался. После хексбергской «ведьмовки» тюрегвизе не страшно, как и наоборот.

– Радуюсь, – Вальдес сунул флягу Лионелю, – мансай они тоже прихватили, но мало, он сладкий, и я так и не попрощался с Линдой.

– Ужасно, – посочувствовал Савиньяк, делая глоток. – Мне обещан Костантини. Где он?

– С драгунами во дворе. За полковника его пока не спрошено?

– Пока мало за что спрошено, – и не только с Заля!

– Так для того и шли, – приосанился витязь, – мы спросим, они ответят. У кого голова останется, хотя, бывает, и лучше нас спрашивают...

– Перевязь Люра, – подыграл Ли, – удар Балинтов?

– Своими глазами видел, теперь и умирать можно, да только не скоро! Ох и повеселились мы у речонки одной, имечко запомнил, трудные они у вас, язык сломаешь... А ведь как шли, скучно было – плащи чужие, девушки грустные, с того и ночи длинные.

– Ротгер тоже скучал. До вашего прихода. – Савиньяк еще разок глотнул тюрегвизе и заставил-таки себя отправиться к

драгунам. Ничего не горело, напротив, теперь все складывалось до последнего камешка, но успокаиваться и поддаваться сидящим в засаде слабостям Ли не собирался. Впереди ждало «самое интересное» и, наверняка, страшноватое, а путь к нему лежал через пляски с бешеными зайцами и, весьма вероятно, через не самый простой бой.

2

Генерал Савиньяк с поднятым клинком несся прямо на прапрапраплемянника. Вокруг непонятно с чего горели хлеба, путались в конечностях с лишними суставами неизвестных пород кони, на мечях и кирасах вспыхивало решившее взойти на севере солнце... Подвиг, который рисуют вторую сотню лет, хотя сам генерал предпочел бы выжить и взять Паону. Брали павлинье гнездо другие, поскольку по милости отославшего резервы дурака Савиньяку пришлось контратаковать. Сражение он спас, но сам погиб. И что с того, что едва не загубившего всё генерала Алонсо Алва пристрелил на глазах командующего? Убитого это не воскресило, и потерявшему единственного наследника Морису Савиньяку пришлось спешно жениться, так что своим существованием они все в итоге обязаны прибитому болвану.

От мыслей о творящих подвиги и свадьбы дураках Арно отвлек средних лет господин, оказавшийся надорским бароном и почитателем Савиньяков вообще и Ли с матерью в

частности. Пришлось выпить, но этим дело не ограничилось: у надорца имелись супруга и две дочери, которые Савиньяков тоже почитали.

– Прошу засвидетельствовать им мое почтение, – выпалил виконт, в последний момент не дав ухватить себя под руку. – Я срочно должен переговорить с... кузеном!

– О, – не дал сбить себя с толку любящий отец, – я видел виконта Рафле в Длинном зале и с удовольствием вас к нему провожу. Разумеется, я не намерен вмешиваться в семейный разговор, но, может быть, позже...

Грубить было не с чего, пришлось тащиться в Длинный зал. Барон не соврал: Рафле коротал время до танцев в обществе замужней сестры и молодых Дораков. Компания не вдохновляла, но для ожидания Валентина годилась, да и матери не придется объясняться с теткой Анной, которая и так озабочена «отношениями между мальчиками».

– Арно! – кузен Франсуа призывно замахал рукой. – Ну наконец-то!

– Так вы ждали именно меня? – виконт неторопливо поклонился дамам. – Я польщен!

– Это мы польщены, – улыбнулась Леони. – Я начинаю чувствовать себя принцессой.

– Тогда, – проворковал кузен, – где ваши ленты?

– Не все отличающие нашего Арно принцессы заплетают косы, – засмеялась кузина Екатерина. Ей было двадцать семь, и мужа ей давно поймали.

– Гизелла – герцогиня Ноймаринен, – напомнила Леони, – а станет всего лишь маркизой. Печально.

– Отчего же? – поддержал разговор Рафле. – Мы называем Салина и Дьегарронов маркизами, чтобы не называть герцогами, ведь тогда собрано оказывается королем.

– Как интересно, – рассеянно одобрила девица Дорак. – Корнелия Флашблау, и кажется, к нам...

– Лишь бы нас миновал пороссячий кошмар! – в притворном ужасе воскликнул Дарзье. – Вблизи я его не вынесу.

– Но, – удивилась Екатерина, – вы же его совсем недавно выносили.

– Я неплохо владею собой, но пороссячий Кальтарин пережил бы вряд ли. Графиня, какой дивный подарок! Вернее, два подарка сразу.

– Два? – подошедшая Корнелия скромно потупила глаза. – Я не совсем понимаю.

– Первый подарок, – галантно уточнил Франсуа, – вы. Что до второго, то я не совсем уловил мысль Дарзье.

– Она проста! – Наследник Дораков, похоже, был глуховат, а глухим вечно кажется, что их не слышат. – Вы, как справедливо заметил мой друг, прелестны, и кроме того, вы не привели некую девицу в пороссячьих одеждах, чтобы не сказать наоборот.

– Почему я должна была приводить Иоланту? – Корнелия умела просто очаровательно удивляться. – Мы отнюдь не подруги, вот с Леони мы даже куклами обменивались.

– Вы с Леони просто прелесть, – умилилась Екатерина. – Вас не рассорила даже разорванная бедным Иоганном по-молвка.

– Да, я зря опасался, – вмешался Дарзье. – Серна не станет искать общества свиньи, даже возьми та в зубы бумажный цветок.

– Серна ищет общества оленя, – Леони раскрыла веер, – и не она одна!

– Вы меня разоблачили, – Корнелия опустила глаза, – но мне в самом деле ужасно захотелось узнать про жука.

– Он большой и может укусить, это все, что о нем пока известно. – Арно понизил голос до почти шепота. – Франсуа, почему твой друг навязывает нам столь необычную для дворцов тему?

– Сам удивляюсь, – развел руками кузен. – Прежде я за ним такого не замечал.

– Прежде я не оказывался во власти кошмара, – Арно не показалось, Дарзье в самом деле говорил громче, чем надо, но глухим он не был.

– И на что он похож? – полюбопытствовал капитан Сэ, краем глаза заметив розовый рукав. Знакомый, ах ты ж скотина! – Я имею в виду кошмар.

– Он неопишем. Когда я обещал помочь графине Гогенлоэ, я не думал, что соглашаюсь стать свинопасом. Представляю, как бы я выглядел во время этого занятия, и мне становится страшно.

– Зря, – как мог проникновенно сообщил Арно. – Вы бы выглядели всяко не хуже, чем сейчас.

– Арно, – решила удивиться Екатерина, – теперь я не понимаю, что с *тобой*. Дарзье тебя чем-то задел?

– Именно, – нахально подтвердил Савиньяк, – я оскорблен за свою знакомую. Эдита достойна лучшего пастыря.

– Эдита? – захлопала отчего-то утратившими красоту глазами Корнелия. – Кто это?

– Гордость семейства Варнике. Если бы не война, Эдиту бы признали лучшей свиньей Придды, а может, и Надора.

– Милые кавалеры, – Екатерина укоризненно покачала украшенной трехцветными фиалками головкой, – вы явно голодны, иначе бы вы говорили о цветах или о нас, а вы говорите о будущих окороках.

– Никоим образом! – во весь голос запротестовал Дарзье. – Мы говорим исключительно о дамских прелестях и их противоположности. Я готов просить прощения у госпожи Эдиты. Она, вне всякого сомнения, красивей и приятней особы, которой я её невольно уподобил.

– Чтобы встретить госпожу Эдиту, вам придется проехаться в сторону войны, – теперь Арно говорил не тише корнета Понси. – Кроме того, я отнюдь не уверен, что вас к ней подпустят.

Разговорчик начинал привлекать внимание. По сторонам капитан Сэ не оглядывался, но впереди людей заметно прибавилось. Подтянулся упорно ожидающий своего часа надоб-

рец, мелькнул и пропал младший Гогенлоэ, развернули все-
ра сестры Бигот.

– Решать за отсутствующих дурно, – бросился заполнять
слишком уж красноречивую паузу кузен. – Оставим загадоч-
ную Эдиту в ее горах.

– Охотно, – кивнул Дарзье, – тем более сейчас неподходя-
щее время для кабаньей или же оленьей травли. Простите,
я должен найти и поблагодарить Валме. Печально, но теперь
я его должник.

– Валмонам нужно только то, что им нужно, – Арно сам
не понял, как оказался на пути собиравшегося удрать викон-
та. – Сукины дети им без надобности. Разумеется, я имею в
виду не Готти, а тех, кто думает, что предвещает удачу.

– Господа, – мяукнула Корнелия, – мы с Леони ничего не
понимаем...

– О да, – согласилась девица Дорак, – мы привыкли к дру-
гим беседам, эта становится неприятной...

– Вы, именно вы, могли оборвать ее в самом начале, – Ар-
но слегка поклонился. – Но мы в самом деле рискуем запу-
таться в иносказаниях. Свиньи, серны, олени, собаки – это
для притч.

– Тогда, – буркнул Дарзье, – объяснитесь. Я обещаю вас
выслушать.

– Извольте. Вы с попустительства опекунов навязывали
себя девице, которая, по вашему мнению, не могла вас от-
швырнуть. Когда вас все-таки отшвырнули, вы принялись

над ней за глаза издеваться, хотя по большому счету девушка достойна восхищения. Вас бы на то, чтобы пойти наперекор всем без надежды на поддержку, не хватило, да что там... Вас и с поддержкой-то не хватает, господин... *Дурзье!*

Сочиненная Валме дразнилка сработала отлично: наследник Дораков для начала слегка онемел, а потом залопотал, что, мол, так нельзя, неприлично, и при всем уважении к фамилии он не может этого так оставить. Дамы, поняв, что дело принимает серьезный оборот, не вмешивались, Франсуа тоже молчал. Видимо, дипломатично.

– Сколь упоительна бывает внезапная тишина, – переделал всплывшую в памяти слащавую ахинею Савиньяк. – Но она запоздала. Господин Дурзье не может чего-то оставить? Не соблаговолит ли он объяснить, чего именно, я весь внимание!

– Позволь к тебе присоединиться, – Валентин всплыл из своих глубин, как всегда, вовремя, – затронутая тема представляется исключительно интересной. Люди способны как оставить, так и перенести многое, но у каждого есть свой предел.

– У меня он точно есть, – потрянул волосами Арно. – Сей господин имел наглость заявить о своем нежелании быть свинопасом, хотя решение принимал бы отнюдь не он. Я не сомневаюсь, что Эдита к нему по доброй воле не подойдет.

– Герцог Придд не слышал нашего не самого умного разговора, – вмешалась кузина, – не думаю, что его нужно по-

свящать в подробности.

– Я вернулся несколько раньше, чем вы полагаете, и слышал бо́льшую часть беседы, – обрадовал Спрут. – Арно, на твоём месте я бы сказал примерно то же, но другими словами. Правда, последствия от этого не изменились бы. У тебя уже есть секунданты?

– Мы как-то не успели.

– Они настолько не успели, – заметил Франсуа, – что о дуэли как таковой речь ещё не заходила. И вряд ли зайдёт, по причине известного всем присутствующим эдикта. Мы все ещё воюем.

– *Мы?* – так давать пощечину и если давать, то немедленно, или ещё... поговорить? – Воюем *мы*, если под войной подразумевать место, где стреляют и скачут на лошадках. Если же под войной подразумеваются оскорбления тех, кто в ответ может разве что выйти в родовых цветах, то воюет твой приятель, и то из-за чужих спин. Господин Дурзье, зачем вам прикрытие? Бойтесь, что при встрече лицом к лицу барышня вас поколотит?

– Я бы такого исхода не исключал, – согласился Валентин, – но положение в самом деле следует прояснить. Прошу вас не расходиться, я вернусь не позднее, чем через десять минут.

Теньент Костантини ничуть не изменился, то есть не стал ни трусом, ни умницей. Отпускать его к бывшим товарищам в одиночку было нельзя, проболтается, но показать следовало обязательно. Значит, через два-три дня на ойленфуртцев выскочит разъезд «маршала Лэкдеми», с которыми и будет теньент, сбежавший предупредить Савиньяка. Говорить станет Бертольд, а Костантини своей физиономией – свидетельствовать достоверность сказанного. Их дело устроить встречу уцелевших со времен Дарави офицеров с «Эмилем», пока на других дорогах заячьи разъезды совершенно неожиданно не наткнутся на... «вороных» все еще нет, значит, это будут алаты. Но не привычные легкоконные, а самые настоящие панцирники в медвежьих плащах. Витязи кадельцев попробуют перебить и перебьют почти всех, но кому-то да повезет, и Заль узнает сперва о появлении Карои, а затем и об обещании Савиньяка запечь зайца в семи и одном перце. Это ему не понравится, но выход шляпный умник отыщет сразу. Оллария! Столица, где его ждут и которую можно будет либо продать регенту, либо захватить для себя, но сперва нужно оторваться от этого кошмарного Савиньяка...

– Спасибо, теньент, – поблагодарил Лионель. – Бертольд.
– Да, монсеньор!

Первый полковой балагур, принявший после отъезда Да-

венпорта его роту, при всей своей живости офицером был толковым и к тому же слегка напоминал Ли не то его самого в первый торский год, не то Рокэ до Винной улицы.

– Костантини до конца рейда поступает к вам. Расскажите ему о наших делах, а завтра после полудня явитесь ко мне.

– Монсеньор, значит ли это, что мы можем выпить?

– Разумеется, у вас два повода на выбор.

– Приход алатов и победа у Хербстхен?

– Я ошибся, у вас три повода.

– К заячьей травле мы готовы!

– Спасибо, капитан.

– Не за что, монсеньор... То есть за что?

– За намек на очевидность. Приятного вечера.

Вспомнил ли в корпусе о дне рождения короля хоть кто-то, кроме Вальдеса? Вряд ли, армия и о дне рождения Фердинанда помнила не слишком, а рождения Франциска Невеликого и Алисы не праздновала из принципа. Отец рассказывал, как накануне высочайших торжеств в Торке у кого-то в роте обязательно умирала бабушка и все дружно начинали скорбеть. Если вдуматься, отнюдь не смешно.

– Томас, – тоже вышедший в синеватые сумерки Стоунволл тотчас остановился и вытянул руки по швам.

– Добрый вечер, господин маршал. Я хотел видеть полковника Рединга.

– Вы его увидите. – С некоторыми традициями надо заканчивать. – Вместе с другими офицерами через, скажем,

два часа. Завтра начнем готовиться к делу, а сегодня устроим праздник.

– Да, монсеньор. Победа над объединенными дриксенскими бесноватыми несомненно улучшит положение Талига, а подход алатской тяжелой конницы позволяет нам не зависеть от появления Шарли.

Значит, Стоунволл тоже не помнит. Не помнит никто, кроме Ротгера, а «верный подданный» Вейзель погиб. Будь артиллерист жив, он бы прижал памятливого племянника к груди, и правильно бы сделал. Королей, если они вредят королевству, убирать можно, вот чего нельзя, так это забывать о существовании монархов безвредных; это плодит сперва сильвестров, потом – фламинго и наконец – ызаргов.

4

Спать Ариго больше не тянуло, зато его затопила счастливая лень. Маршал наслаждался глинтвейном, необычной беседой и тем, что его ни о чем не спрашивают. Рудольф при поддержке супруги заседал с государственными делами на Алву, тот беззлобно отмахивался, графиня Савиньяк время от времени подкусывала то одного, то другого, а Людвиг, нужный здесь не более самого Жермона, откровенно дремал – почти бессонная ночь, куда денешься.

– Рокэ, – окликнула графиня Савиньяк, – тебе предстоит новое испытание. Вам не кажется, что его преосвященство

напоминает черный линейал?

Либо епископа Доннервальдского не просветили насчет регентских привычек, либо он не внял, полагая, что пастырям светским и духовным пристало обсуждать дела в любое время и в любой компании. Его преосвященство вплыл в гостиную и прямым курсом направился к Алве, он в самом деле походил на многопушечный корабль, как их представлял всю жизнь просидевший в горах Ариго.

– «Императрикс», на первый взгляд, была поманевренней, – Алва с бокалом в руке обернулся к двери. – Он в самом деле вам нравится?

– Да, – быстро сказал Рудольф, – и я настаиваю на том, что преосвященный Тит будет лучшим кардиналом, чем Бонифаций, но сейчас я попрошу его уйти.

– Зачем? – регент приподнял бокал, разглядывая сквозь него то ли епископа, то ли свечи. – Говорить с ним все равно надо, а отложенная неприятность – это две неприятности. Арлетта, не покидайте меня, а то он займет ваше место.

– Когда мне интересно, – откликнулась графиня, – я не ухожу. Ты будешь вежлив?

– Я попробую, – пообещал Ворон.

– Рокэ, – Ноймаринен при своих субординацию не изображал никогда, – его преосвященство хочет с тобой поговорить о положении олларрианской церкви.

– Господин регент, – у святого отца хватило мозгов обойтись без благословений, – наша церковь, как и наша держа-

ва, переживает не лучшие времена. Было совершенно немало промахов и ошибок, их надо исправлять, но еще важнее не совершать ошибок в будущем. Я осознаю степень вашей занятости и поэтому изложил свои соображения на бумаге. Мне говорили, что вы не жалуете принятый в нашей среде витиеватый стиль, поэтому за образец были взяты военные рапорты. Вас я прошу лишь об одном – прочитайте.

– Зачем? – Рокэ допил вино и теперь смотрел на епископа. – Я охотно верю, что вы верите, что будете лучшим кардиналом. Возможно, это так и есть, но карте место, к тому же я не для того способствовал браку его высокопреосвященства и Матильды Алатской.

– Что? – не понял Ноймаринен. – Какой брак?!

– Ах да, вы же не знаете... Все вышло по наитию, но, кажется, сносно. Простите, епископ, я вижу герцога Придда, обычно он является по делу.

– Монсеньор, – Валентин по-военному щелкнул каблукми, да он и явился в мундире. Один из очень немногих. – Несколько минут назад возникла коллизия, связанная с эдиктом, временно запрещающим поединки.

– Я запретил дуэли, – напомнил Рудольф, – после прихода новостей о...

– О том, что я в Багерлее, – подсказал Алва. – Дело прошлое. Господа, надеюсь, все понимают, что с моей стороны запрет смертоубийства выглядел бы ханжески?

– Пожалуй... – Ноймаринен неожиданно улыбнулся. – Но

отменять мой эдикт тебе придется в письменном виде.

— Графиня напомнит мне, когда я окажусь рядом с письменным столом. Валентин, передайте заинтересованным лицам, что я никоим образом не возражаю. Я даже не буду против, если господа станут на линию.

— Благодарю, Монсеньор. Я могу идти?

— Разумеется, ведь вас ждут. — Алва вновь взялся за бутылку, глинтвейн он не жаловал. — Епископ, вы намерены говорить о греховности кровопролития?

— Это бессмысленно.

— В каком смысле?

— Во всех. Вы не остановите того, что вам кажется правильным, а молодые дворяне не прекратят выяснять отношения.

— Действительно, но вернемся к вашему делу. Если вам важен Создатель или Талиг, вы обуздаете гордыню и приметесь помогать его высокопреосвященству. Если для вас главное наперсный знак, то извините... Придется ждать, пока святой Адриан не сочтет нужным сменить Бонифация на вас, если, конечно, сочтет. Да, вынужден вас предупредить, что несчастный случай с кардиналом вас к цели не приблизит, напротив.

— Сударь! — епископ побагровел, что подчеркнуло его седину. — На что вы намекаете?

— Я не намекаю, — Ворон улыбнулся и приподнял бокал, — я предупреждаю. Как показывает опыт, это необходи-

мо. Скажи я загодя Манрику, что некоторых вещей лучше не делать, у вас не было бы ни малейшей надежды стать кардиналом, поскольку гнать Агния было бы просто не за что. Ступайте с миром.

– Это вы... мне?

– Помнится, я сейчас – глава церкви, а церковники любят, когда собеседники ступают с миром.

Удаляясь, епископ по-прежнему напоминал корабль, только теперь на него обрушились сразу штиль и шквал.

– Итак, – Рудольф был верен глинтвейну с медом, – его преосвященство тебе понравился.

– Возможно. В нем есть что-то от святого Оноре, хотя я бы предпочел Левия. Вы часом не знаете, как он относится к горностаевым линарцам?

– К каким?!

– К горностаевым, это очень важный признак.

– Знать не знаю. Бонифаций в самом деле женился на сестре Альберта?

– Вышло очень мило, кагетский Баата был в полном восторге. Рудольф, если у вас остались еще какие-нибудь регентские дела, сделайте их, пожалуйста, сами. Мне завтра в дорогу, а я с самой Хандавы не видел приличного праздника.

– Тогда с нашей стороны будет просто отвратительно тебя удерживать.

– И все же, – вмешалась герцогиня, – я это сделаю. Тебе не до мелочей, и ты в этом совершенно прав, но Рудольфу

требуется помощь. Нам нужен малый регентский совет, такой, какой был при Катарине. Он ни в чем не мешал ни нам с Рудольфом, ни Проэмперадорам, но с неотложными делами справлялся. Люди, которые для этого годятся, здесь, дело за вашей подписью. Если потом тебе понадобятся отчеты...

– Упаси Леворукий, – Алва обвел зал глазами, адъютант подбежал немедленно, но регент предпочел крикнуть:

– Мэтр Инголс!

Толстый законник в черном неспешно расстался с почтенной дамой, и Ариго смог насладиться третьим приближением.

– Арлина, – рассмеялась герцогиня Ноймаринен, – а кого вам напоминает наш супрем?

– Тучу, – живо откликнулась графиня Савиньяк. – Одинокую тучу, которая при необходимости и за хорошее вознаграждение скроет солнце.

– Злюка, – шепнула Георгия. – Рокэ, я беру свою просьбу назад, тебе в самом деле пора веселиться.

– Только не за ваш счет! – шепотом же откликнулся Алва. – Садитесь, мэтр. Время выпить пару бокалов у вас есть. Мне нужен приличный регентский совет на все случаи жизни. Расписание, регламент, полномочия и все, что полагается... За ночь нужен! Завтра я еду, по дороге просмотрю и отвечу с нарочным. Успеете?

– Адвокат всегда готов к тому, что дело разбирается утром. С вашего разрешения, я буду не вино, а шадди, и не

здесь, а в своем кабинете.

– Как вам удобней... – больше на законника Ворон не смотрел. – Музыканты из Ноймара?

– Кажется, да, – слегка удивился Ноймаринен, – я не вникал.

– Если из Ноймара, они должны знать нечто удобоваримое. Леона обещала подготовить Гизеллу к жизни на Мари-кьяре, а жизнь на Мари-кьяре – это море и танец.

Глава 10

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

По разукрашенным залам бродили незнакомые по большей части господа, между ними сновали слуги, трещали свечи, мерцало оружие, в окна глядела вечерняя синева. Шаркало, бормотало, пахло смолистым дымком, горячим торским вином, а когда мимо проходили дамы, ароматической водой. Омерзительно, как в Агарисе, Роберу не было, не чувствовал он и напряжения. Происходящее его не касалось, здесь заправляли регент с Проэмперадором и куча других важных лиц, а маршал Эпинэ был простым гостем. Ну, пусть не простым, но ему незачем было прятать за улыбкой ненависть и неловкость, гадать, кому и что врать, как удержать Альдо, как не убить Кавендиша...

— Ты задумчив, — появившийся из-за угла Валме подхватил Робера под локоть. — А также красив и, того хуже, *интересен*. Мой тебе совет, будь осторожен.

— Ты о чем?

— О госпожах Гогенлоэ и не только. Сейчас самые высо-

кочтимые из дам допьют шадди, тут-то и начнется.

– Да что начнется-то?

– Охота. В том числе и на нас с тобой, но на тебя больше. Неужели Арлетта не расписала тебе всей твоей завидности?

– Я жениться не собираюсь.

– Дочки и особенно маменьки полагают иначе, и по-своему они правы. Мы с тобой красивы, холосты и в фаворе, а это опасно, хотя мне проще, без папеньки меня кошки с две женишь! Рокэ прекрасен, но недостижим, его хорошо если в постель затащишь, а ты – человек честный.

– И что?

– То, что тебе следует избегать ситуаций, в которых честные люди женятся. И учти, некоторые присутствующие дамы могут знать тебя лучше, чем ты сам.

– Испугал! – рассмеялся Робер. – Арлетта с Жозиной... моей матерью были подругами, кому меня знать, если не ей?

– Графиней Савиньяк нас с тобой пугать глупо, но и ты, и я были вхожи в некий дом. Ты обратил внимание на оркестр и особенно на бывшую маркграфиню?

– Да, – не стал вдаваться в подробности Иноходец.

– Надеюсь, ты почувствовал руку?

– Руку?

– Чтобы дама стала произведением искусства, кроме самой дамы, нужен куафер, портной, ювелир, камеристка и барон Капуль-Гизайль. Глинтвейн будешь?

– Буду, но его здесь нет.

– И поэтому мы уходим, – Марсель поклонился худощавому господину с тремя орденами. – Гогенлоэ похож на цаплю, а тебе пора выпить.

– Как-то я кипятил вино Левию, – вспомнил Эпинэ, – и забыл, положил корицу или нет...

В здешний глинтвейн корицу не положили, только яблоки, пьяные вишни и мед. Робер помнил этот рецепт по Торке, у Капуль-Гизайлей такого не подавали.

– Я так и не понял, при чем тут барон?

– Тебя сбило то, что Урффрида не Марианна, потому шедевр у Коко и не получился, но где одна услуга, там и другая. Милейший Констанс вряд ли ограничивается дирижированием и советами по части портьер. Он знает, на что ты клюнешь, а от чего сбежишь.

– Подожди! Ты хочешь сказать, что эта Урффрида...

Так вот откуда это жуткое ощущение неправильности! У выходцев не бывает тени, а у маркграфини чужая тень, тень Марианны. Искаженная, расплывчатая, вроде и не узнать, а что-то царапает.

– Я хочу сказать, что барон оказался дамам Ноймаринен довольно-таки полезен, в Ноймаре же висит подлинный Корро, а, возможно, и Сольега. У тебя их нет, но тобой можно оплатить вечные ценности, так что будь бдителен.

– Лучше одолжи мне Котика.

– А знаешь, это мысль!

Чарльз в шестнадцатый раз напомнил себе, что на дежурство напросился сам. Даже не напросился – настоял. Ноймаринен был удивлен, герцогиня, рассчитывавшая на графа Давенпорта, откровенно недовольна, пришлось признаться в ненависти к дворцовым приемам и нежелании видеть памятные по Олларию лица. Ноймаринены поняли и оставили капитана в покое, однако теперь, вопреки всякой логике, он чувствовал себя обделенным.

Окна по зимнему времени были закрыты, да и ковры отлично глушили звуки, но что-то вроде отблеска музыки не давало спокойно сидеть над донесениями и отчетами. Чарльз пытался сосредоточиться и при этом словно бы видел, как в парадной половине дворца разряженные болваны раскладываются друг с другом, обсуждают тех, кого видят, и еще больше тех, кого не видят. Кто-то наверняка заговорит о нем, и тот же Хейл скажет, что капитан Давенпорт на дежурстве. Разумеется, это истолкуют в том смысле, что его не пригласили, а значит, он что-то натворил. Отправка к бывшему регенту до завершения кампании вполне может сойти за отставку. Да, знаменитого Давенпорта не выставили из армии и не понизили в чине, но на большой прием его не пригласили. Генеральша Вейзель, если она об этом узнает, вообразит, что он или с чем-то не справился, или себя запятнал, а Мел-

хен не станет огорчать приемную матушку. В глазах болтливой вдовы нужно быть безупречным, а вдова любопытна, она всех расспрашивает обо всем. И еще она в восторге от Савиньяка. Еще бы, ведь он додумался до особой артиллерийской присяги!

– Герард, – окликнул Давенпорт составлявшего ему компанию теперь уже регентского порученца, – я буду тебе очень признателен, если ты объяснишь своей сестре, что на сегодняшнем дежурстве я сам настоял.

Брат Селины поднял голову от толстенной книги.

– Да, господин капитан, – пообещал он, – я все скажу, но зачем это Сэль? Она никогда о вас не спрашивает.

– Не в ней дело. Твоя сестра много с кем говорит. – Причем тогда, когда никто об этом не просит! – Мне бы не хотелось, чтобы она сказала ну хотя бы баронессе Вейзель, что... Давенпортов обошли приглашением.

– О таком Сэль никогда не думает, – Герард уткнулся было в свой томище, но поднял голову и улыбнулся. – И потом, я тоже отпросился у Монсеньора. Мне не хотелось встречаться с господином Креденьи и его супругой.

– Вот и мне много с кем встречаться не хочется, – воспрянул Давенпорт. – Как вспомню Фердинанда... Как же перед ним расстилались! Нас... дежурных офицеров эти господа не замечали, будто рядом никого нет. Говорили, словно сами по себе, объясняли, как они преданы королю, а потом либо удрали, либо переметнулись. В Старой Придде таких сейчас

с полдюжины, не меньше! Теперь крутятся около Ворона...

— Он их разгонит, — Герард широко улыбнулся. — Монсеньор Рокэ не любит придворных.

— Я не об Алве! — Придворных Ворон и впрямь не жалует, а уж предателей! — Герцог и герцогиня Ноймаринен вынуждены... принимать тех, кто выказывает лояльность.

— Но ведь так положено. — Воистину братец змейки был цыпленком! — На дне рождения короля всегда говорят о верности. Мама видела то, о чем вы говорите, и как вы прыгнули, тоже видела. Не волнуйтесь, Селина знает, что вы герой, но не все герои годятся в мужья, особенно для Мелхен. Ее нужно понять, а у вас это не выходит.

— Так ты знаешь?!

— Конечно, — Герард с нетерпением покосился на свое чтиво. Давенпорт зачем-то приподнялся и узнал пресловутого Пфейхтайера. — Вы же сами хотели, чтобы о ваших чувствах знали все.

— Я хотел? — обомлел капитан. — Я?!

— Вы так сказали, когда стало известно, что соседи скоро принесут варенье, и вы объяснились с Мелхен при Селине. Конечно, она могла неправильно понять, но ей показалось, что вы хотите объявить о своих намерениях всем.

— Я и хочу! Итак, обо мне знает вся Акона.

— Нет, сударь. То есть от нас с Сэль нет, но при мне о вашем чувстве говорили драгуны. Кроме того, вас слышала наша кухарка, а у нее много родни.

– Отлично, – рычать на Герарда не за что, не зарычать на жизнь очень трудно, – и что обо мне говорит кухаркина родня?

– Мне не доводилось с ними говорить.

– А с драгунами доводилось?

– Да, они не верят, что у вас получится. Хотите, я сварю шадди, меня научил маршал Эмиль.

– Свари, – буркнул Давенпорт, чтобы услужливый герой заткнулся хотя бы на несколько минут. Герард аккуратно заложил страницу и исчез за ширмами, из-за которых вскоре запахло шадди и чем-то еще. Парень был славным и, похоже, отлично воевал, но лучше бы у него была другая сестра, то есть лучше бы проклятой Селины не было рядом с Мелхен. Кухарка... Драгуны... Сколько же вокруг болтунов, а Мелхен все принимает слишком серьезно. До Бертольда это не допирает, трепло не желает никому зла, но эта его привычка молоть языком... А другие и рады!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.